

ГАРБУЗАРОВА Елена Геннадьевна

**ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ
В УСЛОВИЯХ ТРАНСФОРМАЦИИ МИРОВОГО ПОРЯДКА**

Специальность 5.5.4. Международные отношения, глобальные и региональные
исследования

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
доктора политических наук

Москва-2022

Работа выполнена на кафедре политологии и политической философии ФГБОУ ВО «Дипломатическая академия Министерства иностранных дел Российской Федерации».

Научный консультант: доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой политологии и политической философии ФГБОУ ВО «Дипломатическая академия Министерства иностранных дел Российской Федерации»
Жильцов Сергей Сергеевич

Официальные оппоненты: доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры прикладного анализа международных проблем ФГАОУ ВО «Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации»
Томберг Игорь Ремуальдович

доктор политических наук, заведующая сектором Центральной Азии Центра постсоветских исследований, Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова Российской Академии наук
Мальшева Дина Борисовна

доктор политических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Центра постсоветских исследований ИЭ РАН
Дадабаева Зарина Абдурахмановна

Ведущая организация: ФГБОУ «Российский государственный гуманитарный университет»

Защита состоится «__» _____ 202__ г. в __ часов на заседании диссертационного совета 05.2.001.01 в ФГБОУ ВО «Дипломатическая академия Министерства иностранных дел Российской Федерации» по адресу: 119021, г. Москва, ул. Остоженка, д. 53/2, стр. 1

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке ФГБОУ ВО «Дипломатическая академия Министерства иностранных дел Российской Федерации» по адресу: 119021, г. Москва, ул. Остоженка, д. 53/2, стр. 1 и на сайте [www. dipacademy.ru](http://www.dipacademy.ru)

Автореферат разослан «__» _____ 2022 г.

Ученый секретарь
Диссертационного совета, к.полит.н., доцент

Ногмова А.Ш.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. По мере нарастания турбулентности и неопределенности в глобальной политике, изменений в мировом балансе сил и соответственно перераспределения сфер влияния стремительно возросло значение Центральной Азии в мировых политических процессах. В условиях формирования полицентричной модели мирового устройства Центрально-Азиатский регион с его природным потенциалом и стратегическим положением на перекрестке между Севером и Югом, Западом и Востоком детерминирует внешнеполитическую активность глобальных и региональных игроков, стремящихся расширить сферы своего влияния. В этом контексте усиливаются противоречия между США и Китаем, между странами коллективного Запада и Россией в Центральной Азии, являющейся геополитическим феноменом, образовавшимся после распада Советского Союза в центре Евразии. Развитие ситуации в этом стратегически важном регионе во многом будет определять новую расстановку сил на мировой арене и контуры будущего мирового порядка.

Развитие новых тенденций в мировой политике, усложнение процессов глобализации, долгосрочные последствия пандемии COVID-19 и явный кризис модели мироустройства, которую выстраивали страны Запада после распада СССР с центром в США, в высшей степени актуализировали исследование геополитических позиций внерегиональных акторов в странах Центральной Азии. С момента появления новых независимых государств под предлогом демократической модернизации стран региона, коллективный Запад пытается утвердить свое лидерство в Центральной Азии, реализуя собственные геополитические и геоэкономические интересы. Кризис либеральной модели стал катализатором жесткой конкуренции, развернувшейся между внерегиональными акторами в Центральной Азии. В условиях формирования новой парадигмы мирополитического устройства и изменения структуры глобального управления возросло значение региона в мировой политике, в котором усилилось влияние ведущих центров силы. Продвигаемые ими геополитические проекты преследуют цель укрепить позиции в Центральной Азии, создать действенные механизмы обеспечения экономических и политических интересов. На особую роль в определении развития Центральной Азии претендуют США, ЕС, Китай, Турция, Иран и Япония, демонстрирующие повышенный уровень политико-дипломатической активности в регионе.

Три десятилетия страны Центральной Азии стремятся проводить многовекторную внешнюю политику, направленную на выстраивание прагматичных отношений с внерегиональными акторами. При этом внешнеполитический курс этих государств,

обладающих значительным ресурсным потенциалом и значимым геополитическим положением, оказывает сильное влияние на развитие региональных политических процессов.

За годы независимости страны Центральной Азии стали активными участниками мирополитических процессов, диверсифицировав внешнеполитические связи. В формирующейся новой мирополитической реальности страны Центральной Азии стремятся к формированию такой модели взаимоотношений с ведущими центрами силы мировой политики, в которой позиционируют себя в качестве равноправных партнеров. В этой связи особое значение приобретает вопрос: смогут ли страны Центральной Азии стать полноценными субъектами мировой политики или так и останутся объектами региональных геополитических процессов?

Пандемия COVID-19 обострила имеющиеся противоречия и негативные тенденции, сложившиеся за десятилетия в Центральной Азии. Все больше на повестку дня в регионе влияют Китай и Россия. Их активная политика вызывает обеспокоенность в странах Запада, особенно в США. В таких условиях повышается конфликтный потенциал региона, возрастает вероятность столкновения геополитических и геоэкономических интересов ведущих государств мировой политики.

Несмотря на предпочтения ряда стран, относящихся преимущественно к коллективному Западу, реализовывать свои внешнеполитические амбиции в мировой политике с опорой на «жесткую силу», актуальность «мягкой силы» в Центральной Азии по-прежнему востребована такими внерегиональными странами, как Россия, Китай, Турция, Иран, Япония. Используемые механизмы «мягкой силы» стали одним из эффективных рычагов достижения политического и экономического влияния. Центральная Азия служит примером применения широкого инструментария «мягкой силы» различными геополитическими акторами, которые посредством идеологических, языковых, образовательных, религиозных инструментов достигают своих стратегических целей.

Для России Центральная Азия является жизненно важным регионом, особенно с точки зрения стабильности и безопасности. Однако геополитические конкуренты России заинтересованы в создании по периметру российских границ пояса недружественных зачастую враждебных государств. В такой ситуации России крайне важно не допустить дестабилизации в регионе, сохранить добрососедские отношения с бывшими союзными республиками.

Источники исследования состоят из следующих групп:

1. Официальные внешнеполитические документы государств: Концепции внешней политики Казахстана, Киргизия, Таджикистана, Узбекистана, Туркменистана, России;

Стратегия США в Центральной Азии (2019-2025); Стратегический документ 2002-2006 и индикативная программа 2002-2004 Европейского Союза в Центральной Азии; Европейский Союз и Центральная Азия: стратегия нового партнерства от 2007 г.; Многолетняя индикативная программа для Центральной Азии 2014-2020; Европейский Союз и Центральная Азия: новые возможности для сильного партнерства и другие стратегические внешнеполитические документы¹.

2. Публичные выступления, официальные заявления, интервью лидеров государств, руководителей внешнеполитических ведомств, дипломатов и других официальных лиц.

¹ Концепция внешней политики Российской Федерации от 15 июля 2008 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/news/785> (дата обращения: 23.04.2020); Долгосрочная Стратегия развития Казахстана «Казахстан -2030» [Электронный ресурс]. URL: https://ohospital.kz/assets/uploads/2018/03/strategy_2030_ru.pdf (дата обращения: 2.04.2020); Концепция внешней политики Республики Казахстан на 2014–2020 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://adilet.zan.kz/rus/docs/U1400000741> (дата обращения: 2.04.2020); Стратегия «Казахстан-2050» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kaznpu.kz/docs/Strategy2050.pdf> (дата обращения: 2.04.2020); Концепция внешней политики Республики Казахстан на 2014–2020 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://adilet.zan.kz/rus/docs/U1400000741> (дата обращения: 2.04.2020); Концепция внешней политики Республики Казахстан на 2020-2030 г. [Электронный ресурс]. URL: https://www.akorda.kz/ru/legal_acts/decrees/o-koncepcii-vneshnei-politiki-respubliki-kazahstan-na-2020-2030-gody (дата обращения: 2.04.2020); Концепция внешней политики КР от 10 января 2007 г. [Электронный ресурс]. URL: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=14679 (дата обращения: 5.04.2020); Стратегия устойчивого развития КР на периоды 2013-2017 гг. Бишкек, 2012; Концепция внешней политики КР от 11 марта 2019 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/430045> (дата обращения: 8.04.2020); Концепция внешней политики Республики Таджикистан от 27 января 2015 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.mfa.tj/ru/main/view/988/kontseptsiya-vneshnei-politiki-respubliki-tadzhikistan> (дата обращения: 15.05.2020); Резолюция ООН «Постоянный нейтралитет Туркменистана» от 12 декабря 1995 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://migration.gov.tm/wp-content/uploads/2016/05/Rezolyutsiya-OON.pdf> (дата обращения: 21.05.2020); Концепция внешней политики Туркменистана как нейтрального государства от 27 декабря 1995 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://ir.rudn.ru/books/b1/p5/66.pdf> (дата обращения: 21.05.2020); Концепция внешнеполитического курса Туркменистана на 2013-2017 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.turkmenistan-kultur.at/oesterreich295-turkmenische-aussenpolitik.html> (дата обращения: 21.05.2020); Концепция внешнеполитического курса нейтрального Туркменистана 2017-2023 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.turkmenistan-kultur.at/oesterreich826-2017-2013-aussenpolitik.html> (дата обращения: 21.05.2020); Конституция Республики Узбекистан от 8 декабря 1992 г. [Электронный ресурс]. URL: https://tzst.uz/images/Konstitutsiya_Respubliki_Uzbekistan_Rus.pdf (дата обращения: 21.05.2020); Концепция внешней политики Узбекистана от 13 августа 2012 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://parliament.gov.uz> (дата обращения: 21.05.2020); Стратегия действий по пяти приоритетным направлениям развития Республики Узбекистан в 2017-2021 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://strategy.regulation.gov.uz/ru/document/2> (дата обращения: 21.05.2020); The National Security Strategy of the USA. March, 2006. Pp. 39-40. [Электронный ресурс]. URL: <https://nssarchive.us/wp-content/uploads/2020/04/2006.pdf> (дата обращения: 4.06.2020); Joint Declaration of Partnership and Cooperation by the Five Countries of Central Asia and The United States of America, Samarkand, Uzbekistan [Электронный ресурс]. URL: <https://uz.usembassy.gov/joint-declaration-of-partnership-and-cooperation-by-the-five-countries-of-central-asia-and-the-united-states-of-america-samarkand-uzbekistan/> (дата обращения: 17.06.2020); United States Strategy for Central Asia 2019-2025. Advancing Sovereignty and Economic Prosperity. February 2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.state.gov/wp-content/uploads/2020/02/FINAL-CEN-Strategy-Glossy-2-10-2020-508.pdf> (дата обращения: 17.06.2020); Strategy Paper 2002-2006 and Indicative Programme 2002-2004 for Central Asia. 12 October, 2002 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.libertas-institut.com/uk/ECTIS/EUStrategyPaperCentralAsia.pdf> (дата обращения: 25.06.2020); The EU and Central Asia: Strategy for a New Partnership. Brussels, 31 May 2007 [Электронный ресурс]. URL: <http://aei.pitt.edu/38858/1/st10113.en07.pdf> (дата обращения: 29.06.2020); Multiannual Indicative Programme Regional Central Asia 2014-2020 [Электронный ресурс]. URL: https://eeas.europa.eu/sites/default/files/20160526_1_en.pdf (дата обращения: 07.07.2020); The EU and Central Asia: New Opportunities for a Stronger Partnership. [Электронный ресурс]. URL: https://eeas.europa.eu/sites/eeas/files/joint_communication_-_the_eu_and_central_asia_-_new_opportunities_for_a_stronger_partnership.pdf (дата обращения: 17.07.2020).

3. Аналитические материалы российских мозговых центров: Российский Совет по международным делам (РСМД), Институт Мировой экономики и Международных отношений Российской Академии наук (ИМЭМО РАН), дискуссионный клуб «Валдай», «Россия в глобальной политике», доклады и экспертные оценки ученых Дипломатической Академии².

4. Материалы западных аналитических центров: американский Совет по международным отношениям, американский Фонд Карнеги, РЭНД корпорация, аналитический центр Стратфор, Гудзоновский аналитический институт, стратегический исследовательский институт «Фонд Наследие», программа PONARS Eurasia и др.

5. Материалы центрально-азиатских экспертно-аналитических центров: аналитический сайт ЦентрАзия, Центральноазиатское бюро аналитической журналистики SABAR. asia, Казахстанский Центр аналитических исследований «Евразийский мониторинг», Экспертный портал Kazakhstan 2:0, дискуссионный клуб «Пикир» (Киргизия) и др.

6. Материалы СМИ, освещающих динамику геополитических процессов в регионе, а также внешнеполитические приоритеты государств Центральной Азии в контексте глобальных трансформаций. Особую значимость представляют материалы таких авторитетных изданий, как «The Diplomat», «The Washington Post», «The Guardian», «Российская газета», «Независимая газета», федеральное информационное агентство Regnum, газета «Жэньминь Жибао» и др.

7. Международные договоры и соглашения, подписанные республиками Центральной Азии с ведущими государствами мира и международными организациями.

Степень научной разработанности проблемы. Существующую по теме диссертационного исследования литературу, которая использовалась при написании данной работы, целесообразно классифицировать по совокупности параметров, определяемых особенностями применяемого анализа.

² Постсоветское пространство: роль внешнего фактора. Сб. ст. / Отв. ред.: А.Б. Крылов, А.В. Кузнецов, Г.И. Чуфрин. М.: ИМЭМО РАН, 2018. 241 с.; Россия и Центральная Азия: новые перспективы: материалы междунар. науч. конф., посвященной 25-летию установления дипломатич. отношений между Рос. Федерацией и государствами Центральной Азии (Москва, 14 июня 2017 г.) / [отв.ред. А.Л. Чечевишников]; Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) М-ва иностр. дел Рос. Федерации, Ин-т междунар. исследований. М.: МГИМО-Университет, 2018. 251 с.; Эволюция постсоветского пространства: прошлое, настоящее, будущее: хрестоматия. М.: НП РСМД, 2017. 384 с.; Бордачев Т., Смолл Э., Цинсун В. Россия, Китай, США в Центральной Азии: баланс интересов и возможности сотрудничества. Доклад международного дискуссионного клуба «Валдай». М., 2016. 16 с.; Неймарк М.А. Очевидное-невероятное: что Запад должен Украине? [Электронный ресурс]. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/31092?> (дата обращения: 07.11.2021); Винокуров В. Гегемон убежал, весы качнулись. Что означает поражение США в Афганистане? [Электронный ресурс]. URL: https://nvo.ng.ru/realty/2021-12-23/1_1171_afganistan.html? (дата обращения: 07.11.2021).

К *первой группе* относятся фундаментальные труды и исследования российских ученых, в которых рассматриваются особенности и актуальное состояние современной системы международных отношений, происходящих мирополитических процессов, предсказываются дальнейшие тренды развития глобальной повестки дня. В первую очередь, в их число входят монографии и публикации учёных Дипломатической академии МИД России, которые были положены в теоретическую и практическую основу данной диссертации. Среди них, работы таких авторов, как Бажанов Е.П.³, Бажанова Н.Е.⁴, Неймарк М.А.⁵, Феофанов К.А.⁶, Штоль В.В.⁷ и Яковенко А.В.⁸.

Ко *второй группе* относятся труды российских ученых из научных и образовательных организаций, содержащие анализ современных трендов в мировой политике, проблем и перспектив формирования нового мирового порядка. Это работы следующих авторов: Алексеевой Т.А.⁹, Байкова А.А.¹⁰, Баталова Э. Я.¹¹, Богатурова А.Д.¹², Боришполец К.П.¹³, Воскресенского А.Д.¹⁴, Гаджиева К. С.¹⁵, Гарбузова В.Н.¹⁶, Глазьева С. Ю.¹⁷, Иванова И.

³ Бажанов Е.П. Роль Китая в мире и политика России // Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир. 2018. № 2 (16). С. 6-17.

⁴ Бажанов Е.П., Бажанова Н.Е. Куда идет человечество? О тенденциях международных отношений в XXI веке // Обозреватель. 2009. № 6. С. 10-20.; Бажанов Е.П., Бажанова Н.Е. Многополюсный мир. М.: Восток-Запад, 2010. 464 с.; Бажанов Е.П., Бажанова Н.Е. Диалог и столкновение цивилизаций. М.: Весь мир, 2013. 270 с.

⁵ Неймарк М.А. Макросистемные трансформации мирового порядка: новые реалии и перспективы / Мировая политика в фокусе современности. М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К», 2018. 515 с.; Он же. «Мягкая сила» в мировой политике. М.: «Дашков и К», 2017. 272 с.; Он же. Геополитика «мягкой силы»: опыт России. М.: «Дашков и К», 2017. 350 с.

⁶ Феофанов К.А. Цивилизационные детерминанты «двойной реальности» в идеологическом противостоянии Запада и России // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2017. № 1 (778). С. 74-83.

⁷ Штоль В.В. Новые вызовы XXI в. // Обозреватель. 2019. № 9. С. 5-22.

⁸ Яковенко А.В. Что стало с западной либеральной идеей? Российская газета. № 144 (7902). 03.07.2019; Либеральный «конец истории». Российская газета. № 176 (7934). 12.08.2019.

⁹ Алексеева Т.А. Современная политическая мысль (XX-XXI вв.): Политическая теория и международные отношения. М.: Издательство «Аспект Пресс», 2016. 623 с.

¹⁰ Мегатренды: Основные траектории эволюции мирового порядка в XXI в. М.: Издательство «Аспект Пресс», 2014. 448 с.

¹¹ Баталов Э.Я. «Новый миропорядок»: к методологии анализа // Полис. Политические исследования. 2003. № 5. С. 25-37.

¹² Богатуров А.Д. Международный порядок в наступившем веке // Международные процессы. 2003. Т. 1. № 1 (1). С. 6-23; Он же. Между силой и влиянием государств // Сравнительная политика. 2017. Т. 8. № 1. С. 44-57.

¹³ Боришполец К.П. Публичная дипломатия на пространстве ЕАЭС: осмысление феномена и тенденций развития // Вестник МГИМО Университета. 2015. № 5 (44). С. 42-55.

¹⁴ Воскресенский А.Д. Локига новой мироустроительной архитектоники: практика и теория переосмысления многомерного мира и поиск Китаем своего места // Сравнительная политика. 2020. Т. 11. № 4. С. 5-26.

¹⁵ Гаджиев К. Сверхдержавность: уходящий феномен XXI века? // Международная жизнь. Сентябрь, 2017. С. 72-89.

¹⁶ Гарбузов В. Н. Свет и тени американской исключительности // США и Канада: экономика, политика, культура. 2020. № 50 (11). С. 5-21.

¹⁷ Глазьев С. Последняя мировая война. США начинают и проигрывают. М.: Книжный мир, 2016. 512 с.

С.¹⁸, Кашириной Т. В.¹⁹, Клименко А.Ф.²⁰, Козлова К.В.²¹, Картунова А.В.²², Лебедевой М.М.²³, Лузянина С.Г.²⁴, Лукьянова Ф.А., Миллера А.И.²⁵, Никитина А.И.²⁶, Пантина В.И. и Лапкина В.В.²⁷, Пляйса Я. А.²⁸, Примакова Е.М.²⁹, Симония Н.А., Торкунова А.В.³⁰, Тавровского Ю.В.³¹, Тимофеева И.Н.³², Цыганкова А. П.³³, Шаклеиной Т.А.³⁴.

К *третьей группе* относятся работы зарубежных исследователей, изучающих новые тенденции в мировой политике. Среди них можно выделить Айкенберри Дж.³⁵, Ачария А.³⁶, Бжезинского Зб.³⁷, Гилла С.³⁸, Игхо Натufe О.³⁹, Каплана Р.⁴⁰, Киссинджера Г.⁴¹, Кеохейна

¹⁸ Иванов И. Россия, Китай и новый миропорядок. Российская газета. 2018. № 126 (7589).

¹⁹ Аватков В., Каширина Т. Тенденции развития современных международных отношений // Обозреватель. 2017. № 11. С. 5- 15.

²⁰ Лузянин С.Г., Клименко А.Ф. Сотрудничество России и Китая в ШОС по реализации концепции Большого Евразийского партнерства // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2019. Т. 24. № 24. С. 98-113.

²¹ Козлов К.В. «Большая дубинка» американского могущества // США и Канада: экономика, политика, культура. 2018. № 4 (580). С. 106-119.

²² Картунов А.В. Кризис миропорядка и будущее глобализации. 2020. № 60. М.: НП РСМД, 2020. 60 с.

²³ Лебедева М.М. Метаморфозы мировой политики. М.: МГИМО-Университет, 2012. 505 с.

²⁴ Лузянин С.Г., Клименко А.Ф. «Большая Евразия» и ШОС: миропорядок, безопасность и борьба с терроризмом // Обозреватель. 2018. № 8. С. 5-22.

²⁵ Миллер А., Лукьянов Ф. Отстраненность вместо конфронтации: постевропейская Россия в поисках самодостаточности [Электронный ресурс]. URL: http://svop.ru/wp-content/uploads/2016/11/miller_lukyanov_rus.pdf (дата обращения: 17.05.2020); Барабанов О., Бордачев Т., Лисоволик Я., Лукьянов Ф., Сущенцов А., Тимофеев И. Жизнь в осыпающемся мире [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.valdaiclub.com/files/22596/> (дата обращения: 24.05.2020); Они же. Не одичать в «осыпающемся мире» [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.valdaiclub.com/files/33222/> (дата обращения: 7.04.2020).

²⁶ Никитин А.И. Мировые державы и трансформация миропорядка // Философия политики и права. 2019. № 10. С. 168-186.

²⁷ Пантин В.И., Лапкин В.В. Трансформация политических пространств в условиях перехода к полицентричному миропорядку // Полис. Политические исследования. 2018. № 6. С. 47-66.

²⁸ Пляйс Я.А. Новый мир и новые международные отношения // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2016. Т. 6. № 1 (21). С. 6-19.

²⁹ Примаков Е.М. Встречи на перекрестках. М.: Центрполиграф, 2018. 607 с.

³⁰ Симония Н.А., Торкунов А.В. Новый мировой порядок: от биполярности к многополюсности // Полис. Политические исследования. 2015. № 3. С. 27-37.

³¹ Тавровский Ю.В. Си Цзиньпин. Новая эпоха. М.: Издательство «Эксмо», 2018. 400 с.

³² Тимофеев И.Н. Мировой порядок или мировая анархия? Взгляд на современную систему международных отношений: рабочая тетрадь. 2014. № 18. М.: Спецкнига, 2014. 48 с.

³³ Цыганков А. П. Русофобия: антироссийское лобби в США. М.: Эксмо, 2015. 448 с.

³⁴ Шаклеина Т.А. Эволюция глобальной стратегии США (2001-2011) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 25. Международные отношения и мировая политика. 2011. № 3. С. 35-58.

³⁵ Ikendery J. G. The End of liberal International Order? // International Affairs. 2018. V. 94. № 1. P.7-23.

³⁶ Acharya A. The End of American World Order. Cambridge: Polity Press, 2014. 157 p.

³⁷ Бжезинский Зб. Великая шахматная доска. М.: Издательство АСТ, 2019. 256 с.; Он же. Выбор. Мировое господство или глобальное лидерство. М.: Междунар.отношения, 2006. 288 с.; Он же. Еще один шанс. Три президента и кризис американской сверхдержавы. М.: Междунар.отношения, 2010. 192 с.

³⁸ Gill S. Power and Resistance in the New World Order. New York: Palgrave Macmillan, 2002. 238 p.

³⁹ Igho Natufe O. Russian Foreign Policy: In Search of Lost Influence. Moscow: KRASAND, 2015. 297 p.

⁴⁰ Каплан Р. Месть географии. Что могут рассказать географические карты о грядущих конфликтах и битве против неизбежного. М.: КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2015. 384 с.

⁴¹ Киссинджер Г. Мировой порядок. М.: Издательство АСТ, 2015. 512 с.

Р., Колгана Дж.⁴², Ласкюретта К.М.⁴³, Ло Б.⁴⁴, Манкоффа Дж.⁴⁵, Найя Дж.⁴⁶, Пайкина З.⁴⁷, Фридмана Д.⁴⁸, Фукуямы Ф.⁴⁹, Хааса Р.⁵⁰, Хуашэн Чж.⁵¹, Цинсуна В.⁵², Эллисона Г.⁵³ и др. В работах данных авторов исследуются причины кризиса либеральной модели мирового порядка и возвышение развивающихся стран – Китая и России.

К *четвертой группе* относятся фундаментальные труды российских исследователей, посвященных политике внерегиональных государств в отношении стран Центральной Азии. Среди них, работы Аваткова В.А.⁵⁴, Агеева А.И.⁵⁵, Анашкиной Е.Б.⁵⁶, Ануфриева К.С.⁵⁷, Бакланова Б. В.⁵⁸, Богатурова А.Д.⁵⁹, Белоглазова А. В.⁶⁰, Большакова А. Г.⁶¹, Борисова

⁴² Colgan D. Jeff, Keohane O. The Liberal Order is Rigged. Fix it Now or Watch It Wither // Foreign Affairs. May/June, 2017. P. 36-44.

⁴³ Lascurettes Kyle M. Orders of Exclusion: The Strategic Sources of Order in International Relations. New York Oxford University Press, 2020. 352 p.

⁴⁴ Lo B. Russia and the New World Disorder. London : Chatham house ; Washington : Brookings institution press, cop. 2015. 341 p.

⁴⁵ Mankoff J. The United States in a World of Great Power Competition // Journal of International Analytics. 2020. № 11 (3). Pp. 78-94.

⁴⁶ Най Дж. Будущее власти. М.: АСТ, 2014. 444 с.

⁴⁷ Пайкин З. Новая парадигма для Большой Евразии [Электронный ресурс]. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/novaya-paradigma-dlya-bolshoy-evrazii/> (дата обращения: 23.03.2021).

⁴⁸ Фридман Д. Следующие 100 лет: прогноз событий XXI в. М.: Эксмо, 2010. 336 с.

⁴⁹ Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. М.: АСТ, 2015. 576 с.

⁵⁰ Хаас Р. Мировой беспорядок. М.: АСТ, 2019. 350 с.; Haas R. How a World Order Ends and What Comes in Its Wake // Foreign Affairs. January/February, 2019. P. 22-30.

⁵¹ Хуашэн Чж. «Новый треугольник» в отношениях между Китаем, Россией и США // Сравнительная политика. 2019. Т. 10. № 2. С. 69-85.

⁵² Цинсун В. «Евразийский момент». Политика новых держав и конструирование нового евразийского пространства // Свободная мысль. 2017. № 1 (1661). С. 71-80.

⁵³ Allison G. The Myth of the Liberal Order. From Historical Accident to Conventional Wisdom // Foreign Affairs. July/August, 2018. P. 124-133.

⁵⁴ Аватков В.А. Неоосманизм. Базовая идеология и геостратегия Турции // Свободная мысль. 2014. № 3 (1645). С. 71-78.

⁵⁵ Агеев А.И., Куроедов Б.В. Стратегическая матрица государств Центральной Азии // Экономические стратегии. 2013. № 6. С. 12- 25.

⁵⁶ Анашкина Е.Б. Роль постсоветского пространства во внешней политике США // США-Канада. Экономика, политика, культура. 2015. № 6. С. 19-34.

⁵⁷ Ануфриев К.С. Политика России и Китая в Центральной Азии. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2011. 200с.

⁵⁸ Бакланов Б.В. Центральная Азия – современные геополитические ракурсы // Россия и мусульманский мир. 2009. № 8. С. 81-97.

⁵⁹ Богатуров А.Д., Дундич А.С., Коргун В.Г. Международные отношения в Центральной Азии: события и документы. М.: Аспект Пресс, 2011. 549 с.

⁶⁰ Белоглазов А.В. Политика России в Центральной Азии в начале XXI в. // Россия и мусульманский мир. 2008. № 8. С. 82-87.

⁶¹ Большаков А. Г. Внешняя политика Киргизии в контексте изменения конфликтности на постсоветском пространстве // Россия и мусульманский мир. 2011. № 6. С. 83 -96.

А.В.⁶², Братерского М.В.⁶³, Бурханова А. А.⁶⁴, Варбанец П. Д.⁶⁵, Васильевой Н.А.⁶⁶, Вардомского Л. Б.⁶⁷, Волынчук А.Б.⁶⁸, Власова В.С.⁶⁹, Гребениченко С.Ф.⁷⁰, Гусева Л. Ю.⁷¹, Дадабаевой З. А.⁷², Дегтерева Д. А.⁷³, Денисова Е. А.⁷⁴, Дружиловского С. Б.⁷⁵, Добринской О.А.⁷⁶, Егиазаряна А. А.⁷⁷, Егорова В.Г.⁷⁸, Жильцова С.С.⁷⁹, Жирнова О.А.⁸⁰, Звягельской

⁶² Борисов А.В. К дискуссии о перспективах гуманитарной политики России на постсоветском пространстве // Проблемы постсоветского пространства. 2021. № 8 (2). С. 192-206.

⁶³ Братерский М.В. «Жесткая» сила как «мягкий» инструмент внешней политики России в Евразии // Россия и современный мир. 2016. № 2 (91). С. 39-48.

⁶⁴ Бурханов А.А. Стратегия Европейского Союза в Центральной Азии: успехи и неудачи // Центральная Азия и Кавказ. 2007. № 3 (51). С. 18-29.

⁶⁵ Варбанец П.Д. Внешняя политика Турции в Центральной Азии и на Кавказе: отголоски событий «арабской весны» // Центральная Азия и Кавказ. Т. 15. В. 4. 2012. С. 59- 66.

⁶⁶ Васильева Н.А., Лагутина М.Л. Формирование Евразийского Союза в контексте глобальной регионализации // Евразийская Экономическая интеграция. 2012. № 3 (16). С. 19-29.

⁶⁷ Вардомский Л. Б. Евразийская интеграция и Большое евразийское партнерство // Россия и новые государства Евразии. 2019. № 3 (44). С. 9-26.

⁶⁸ Волынчук А.Б. Россия в Евразии: баланс геоэкономических и геополитических инструментов интеграции // Россия и АТР. 2018. № 1(99). С. 51-64.

⁶⁹ Власов В.С. Стратегическое партнерство Российской Федерации и Киргизской Республики: предпосылки и основные направления. Бишкек, 2012. 308 с.

⁷⁰ Гребениченко С.Ф., Токтамысов С.Ж. Центральная Азия и геостратегия России // Социально-гуманитарные знания. 2011. № 1. С. 1-29.

⁷¹ Гусев Л.Ю. Возможности и пределы осуществления политики ЕС в Центральной Азии // Международная аналитика. 2016. № 3 (17).

⁷² Дадабаева З. А. Новая Европейская политика в Центральной Азии // Актуальные проблемы Европы. 2011. № 3. С. 153-179.

⁷³ Дегтерев Д. А., Василюк И.П., Баум В.В. Параметры многовекторности внешней политики стран СНГ: прикладной анализ // Мировая экономика и международные отношения. 2018. Т. 62. № 1. С. 63-75.

⁷⁴ Денисов Е. А. Центральная Азия как регион международной политики // Россия и мусульманский мир. 2013. № 1. С. 81-97.

⁷⁵ Дружиловский С.Б., Аватков В.А. Внешнеполитические идеологемы Турции (2002-2012 гг.) // Обозреватель. 2013. № 6. С. 73-88.

⁷⁶ Добринская О.А. Особенности «мягкой силы» Японии в странах Центральной Азии // Ежегодник Японии. 2015. Т. 44. С. 36-56.

⁷⁷ Егиазарян А.А. Основные особенности «полупериферийных стратегий» Ирана, Турции и России в отношении региона Центральной Азии и Южного Кавказа // Центральная Азия и Кавказ. Т. 16. В. 1. 2013. С. 64- 80.

⁷⁸ Егоров В.Г, Штоль В.В. Русский язык – фактор интеграции постсоветского пространства // Международная жизнь. 2017. № 12. С. 88-105.

⁷⁹ Жильцов С.С. Стратегия Запада на постсоветском пространстве / Мировая политика в фокусе современности. М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К», 2018. 515 с.; Он же. Политика России в Каспийском регионе. М.: Издательство «Аспект Пресс», 2016. 240 с.; Он же. Политика Японии в Центральной Азии: особенности реализации // Центральная Азия и Кавказ. 2020. Т. 23. № 1. С. 46-55.

Жильцов С.С., Зонн И.С. США в погоне за Каспием. М.: Международные отношения. 2009. 200 с.

⁸⁰ Жирнов О.А. Политика России на постсоветском пространстве: прошлое, настоящее и будущее (Обзор) // Актуальные проблемы Европы. 2011. № 2. С. 124-163.

И.Д.⁸¹, Зиглера Ч.Э.⁸², Зиядуллаева Н. С.⁸³, Ивановой И.И.⁸⁴, Игитян М.Ю.⁸⁵, Казанцева А.А.⁸⁶, Карпенко А.О.⁸⁷, Керима Х.⁸⁸, Князева А. А.⁸⁹, Корецкого В.А.⁹⁰, Крутько А.А.⁹¹, Кузьминой Е.М.⁹², Курьлева К.П.⁹³, Лагутиной М.Л.⁹⁴, Маруева А.Ю.⁹⁵, Малашенко А.В.⁹⁶, Малышевой Д.Б.⁹⁷, Мамедовой Н.М.⁹⁸, Месамеда В. И.⁹⁹, Мехдиева Э.Т.¹⁰⁰, Мещерякова

⁸¹ Звягельская И.Д. Россия в Центральной Азии: ведущий игрок или один из многих? / Новые международные отношения: основные тенденции и вызовы для России / под ред. А.В. Лукина. М.: Международные отношения, 2018. 592 с.

⁸² Зиглер Ч.Э. Стратегия США в Центральной Азии и Шанхайская организация сотрудничества // Мировая экономика и международные отношения. 2005. № 4. С. 13-22.

⁸³ Зиядуллаев Н. Государства Центральной Азии в условиях глобализации: современные тенденции и перспективы // Центральная Азия и Кавказ. 2006. № 6 (48). С. 145-155; Он же. Государства Центральной Азии в меняющемся мире // Экономические стратегии. 2007. № 3. С.2-13.; Он же. Государства Центральной Азии в современном мире: стратегии развития и глобальные вызовы // Проблемы теории и практики управления. 2018. № 12. С. 8-17.

⁸⁴ Иванова И.И. Турция в Центральной Азии: партнер или соперник? // Азия и Африка сегодня. 2019. № 7. С. 39- 47.

⁸⁵ Игитян М.Ю. Китайская внешняя политика в Центральной Азии и интересы России // Власть. 2019. № 3. С. 250-259.

⁸⁶ Казанцев А.А. «Большая игра» с неизвестными правилами: мировая политика и Центральная Азия. М.: МГИМО-Университет, 2008. 382 с.; Казанцев А.А., Гусев Л.Ю. Реформы во внешней политике Узбекистана: основные достижения и сценарии развития // Вестник РУДН. Серия: международные отношения. 2018. V.18. N.2. С. 292-303.

⁸⁷ Маруев А. Ю., Карпенко А.О. Восточный вектор геостратегии России // Обозреватель. 2010. № 1. С. 6-17.

⁸⁸ Хас К. Особенности внешней политики Турции в Центральной Азии // Научно-информационный журнал Армия и общество. 2013. № 3 (35). С. 16-20.

⁸⁹ Князев А. А. Россия возвращается в Центральную Азию // Центральная Азия и Кавказ. 2007. № 5 (53). С. 35-44; Он же. Векторы и парадигмы киргизской независимости (очерки постсоветской истории). Бишкек, 2012. 420 с.

⁹⁰ Корецкий В.А. К вопросу о социально-политической ситуации в Центральной Азии (геополитический анализ) // Вест.Моск.Ун-та. Сер. 18. Социология и политология. 2008. № 2. С. 29-38.

⁹¹ Крутько А.А. Внешняя политика современной России: евразийские приоритеты. Бишкек, 2019. 278 с.

⁹² Кузьмина Е.М. Геополитика Центральной Азии. М.: Наука, 2007. 151 с.; Она же. «Большая Евразия»: интересы и возможности России при взаимодействии с Китаем // Проблемы постсоветского пространства. 2017. № 4 (3). С. 229-239; Она же. Политика ЕС в отношении Евразийской экономической интеграции и Большой Евразии / Осенняя сессия международного форума «Евразийская экономическая перспектива». Сборник докладов. СПб., 2020. С. 29-35.

⁹³ Курьлев К.П. Central Asia in Foreign Policy Priorities of Russia: History and Current Status // Постсоветские исследования. 2018. Т. 1. № 5. Р. 427-437.

⁹⁴ Лагутина М.Л., Темнышев И.А. Эволюция понятия «Евразия» в современном гуманитарном знании // Современные Евразийские исследования. 2016. № 1. С. 17-25; Лагутина М.Л., Набока А.В. Геополитические перспективы развития евразийской интеграции // Управленческое консультирование. 2014. № 9. С. 48-57.

⁹⁵ Маруев А. Ю., Карпенко А.О. Военно-политические аспекты формирования интересов России на южном геополитическом векторе // Военная мысль. 2009. № 11. С.9-16.

⁹⁶ Малашенко А.В. Центральная Азия: на что рассчитывает Россия? М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012. 118 с.

⁹⁷ Малышева Д. Постсоветские государства Центральной Азии в политике Китая // Мировая экономика и международные отношения. 2019. Т. 63. № 5. С. 101-108; Она же. Партнерство России и Узбекистана // Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир. 2021. № 2 (28). С. 121-131.

⁹⁸ Мамедова Н. М. Иран: интересы в ЦА и возможности влияния // Россия и мусульманский мир. 2014. № 4 (262). С. 85-90; Она же. Казахская экономическая модель // Мировое и национальное хозяйство. 2013. № 3-4 (26-27). С. 6- 9; Она же. Экономические модели других центрально-азиатских государств // Мировое и национальное хозяйство. 2013. № 3-4 (26-27). С. 7- 13.

⁹⁹ Месамед В.И. Иран: 10 лет в постсоветской Центральной Азии [Электронный ресурс]. URL: https://ca-c.org/journal/2002/journal_rus/cac-01/04.mesru.shtml (дата обращения: 23.03.2021); Он же. Иран в Центральной Азии: два десятилетия диалога. М.: Институт Ближнего Востока, 2010. 267 с.

¹⁰⁰ Мехдиев Э.Т. «Неоосманизм» в региональной политике Турции // Вестник МГИМО-Университета. 2016. № 2 (47). С. 32-39; Он же. Состояние и перспективы отношений Ирана со странами Центральной Азии и Закавказья // Международные отношения. 2017. № 4. С. 1-15.

К.Е.¹⁰¹, Мурашкина Н.Ю.¹⁰², Наумкина В.В.¹⁰³, Николаева С. А.¹⁰⁴, Новоселова Е.В.¹⁰⁵, Нуртазина М.М.¹⁰⁶, Погорельской С.В.¹⁰⁷, Пономаревой Е.Г.¹⁰⁸, Притчина С. А.¹⁰⁹, Пряхина В.Ф.¹¹⁰, Пузановой О.В.¹¹¹, Рудова Г.А.¹¹², Столповского О.¹¹³, Стрелкова А.А.¹¹⁴, Строкова А.¹¹⁵, Сыздыковой Ж.С.¹¹⁶, Токтамысова С.Ж.¹¹⁷, Томберга И.Р.¹¹⁸, Троицкого Е.Ф.¹¹⁹,

¹⁰¹ Мещеряков К.Е. Эволюция внешней политики Российской Федерации в Центральной Азии в 1991-2012 гг. Диссерт. на соискание докт.ист.наук. 2015. 709 стр.

¹⁰² Мурашкин Н.Ю., Акылбаев И. Япония и Центральная Азия: «тихое» партнерство с привлечением внерегиональных игроков [Электронный ресурс]. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/yaponiya-i-tsentralnaya-aziya-tikhoe-partnerstvo-s-privlecheniem-vneregionalnykh-igrokov/> (дата обращения: 23.03.2020).

¹⁰³ Наумкин В.В. и др. Интересы России в Центральной Азии: содержание, перспективы, ограничители. М.: РСМД, 2013. 64 с.

¹⁰⁴ Николаев С.А. Центральная Азия в геополитических планах США // Россия и мусульманский мир. 2012. № 8. С. 125-141.

¹⁰⁵ Новоселов С.В. Геостратегия и современная внешняя политика Исламской Республики Иран // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2015. № 2 (43). С. 118-124.

¹⁰⁶ Нуртазин М.М. Роль Республики Казахстан в геополитической трансформации в рамках «Евразийского проекта» // Проблемы постсоветского пространства. 2018. № 5 (2). С. 191-202.

¹⁰⁷ Погорельская С.В. Политика ФРГ в Центральной Азии // Актуальные проблемы Европы. 2011. № 3. С. 106-130.

¹⁰⁸ Пономарева Е., Рудов Г. «Мягкая сила» как интеграционный ресурс России на евразийском пространстве // Обозреватель. 2015. № 11. С. 59-73; Пономарева Е., Рудов Г. Евразийская интеграция и цивилизационное пространство России // Обозреватель. 2013. № 9. С. 18-30.

¹⁰⁹ Притчин С.А. Российская политика в Центральной Азии в XXI в. // Проблемы национальной стратегии. 2020. № 6 (63). С. 76-92.

¹¹⁰ Пряхин В.Ф. Европейский Союз и Центральная Азия: поиски новой концепции сотрудничества // Актуальные проблемы Европы. 2011. № 3. С. 133-152.

¹¹¹ Парамонов О.Г., Пузанова О.В. Евразийская дипломатия Токио: успехи и неудачи (1997-2017 гг.) // Сравнительная политика. 2018. Т. 9. № 3. С. 42-60.

¹¹² Рудов Г.А. Российско-кыргызские отношения: история и современность. М.: Бишкек-Илим, 2001. 607 с.; Он же. Нам суждено жить вечно в дружбе: Документальные страницы российско-кыргызских отношений на рубеже веков. Москва; Бишкек: Илим. 2002. 352 с.

¹¹³ Парамонов В., Строков А., Столповский О. Этапы экономической политики Китая в Центральной Азии // Центральная Азия и Кавказ. 2010. Т. 13. В. 1. С. 120-131; Парамонов В., Строков А., Столповский О. Внешняя политика Китая в Центральной Азии // Центральная Азия и Кавказ. 2010. Т. 13. В. 4. С. 74-89.

¹¹⁴ Стрелков А.А. Политика Европейского Союза в постсоветском регионе // Актуальные проблемы Европы. 2011. № 2. С. 9-38.

¹¹⁵ Парамонов В., Строков А., Столповский О. Россия и Китай в Центральной Азии: политика, экономика, безопасность. Общ. фонд Александра Князева. Б.: 2008. 200с.

¹¹⁶ Сыздыкова Ж. Геополитические интересы России в Центральной Азии // Теория и практика общественного развития. 2013. № 8. С. 263-265. Она же. Мегапроект Китая «Один пояс, Один путь»: внутренние и внешние вызовы // Вопросы политологии. 2021. Т. 11. № 4 (68). С. 1182-1189.

¹¹⁷ Гребениченко С.Ф., Токтамысов С.Ж. Метаморфозы постсоветской интеграции // Социально-гуманитарные знания. 2013. № 2. С. 1-36.

¹¹⁸ Томберг И.Р. Газ Центральной Азии в меняющемся геополитическом контексте // Центральная Азия и Кавказ. 2012. Т. 15. № 1. С. 7-22.

¹¹⁹ Троицкий Е.Ф. Центральная Азия в системе международных отношений (1992-2009 гг.). Автореф. на соиск. уч. степени доктора ист. наук. Томск, 2010. 43 с.

Федоровой И.Е.¹²⁰, Хейфеца Б.А.¹²¹, Хопёрской Л.Л.¹²², Чазова О. П.¹²³, Чуфрина Г.И.¹²⁴, Шангараева Р.Н.¹²⁵, Шумилова М.М.¹²⁶, Ягья В.С.¹²⁷.

К *пятой группе* относятся работы американских исследователей, занимающихся изучением геополитических и геоэкономических процессов в странах Центральной Азии. Можно выделить работы Бермана И.¹²⁸, Вайца Р.¹²⁹, Глянца М.¹³⁰, Кули А.¹³¹, Ларуэль М.¹³²,

¹²⁰ Федорова И.Е. Элементы паниранизма во внешней политике Ирана // Ислам на Ближнем и Среднем Востоке. 2015. № 9. С. 437-442.

¹²¹ Хейфец Б.А. Страны Евразийского экономического союза и китайская инициатива «пояс и путь»: возможности и риски // Вестник института экономики НАН Беларуси. Сборник науч. статей. Минск, 2021. С. 134-145; Он же. Каким маршрутом пойдет Россия по одному непростому китайскому пути. М.: Институт экономики РАН, 2020. 62 с.

¹²² Хоперская Л.Л. Евразийский интеграционный проект: позиция центральноазиатских элит // Россия и мусульманский мир. 2014. № 3. С. 84-100.

¹²³ Чазов О.П. Интересы и политика России в Центральной Азии в новых геополитических условиях // Обозреватель. 2012. № 5. С. 44-55.

¹²⁴ Чуфрин Г.И. Россия и Центральная Азия. Алматы: Казахстанский институт стратегических исследований при Президенте РК, 2010. 220 с.

¹²⁵ Шангараев Р. Н. Идеологические аспекты внешней политики Турции // Обозреватель. 2017. № 11. С. 73-82.

¹²⁶ Шумилов М.М. Роль Киргизии в реализации стратегических интересов США в Центральной Азии // Россия и мусульманский мир. 2012. № 2. С. 76- 94.

¹²⁷ Ягья В.С. Пономарева Е. Научное сотрудничество – форма и метод публичной дипломатии // Обозреватель. 2015. № 8. С. 69-82.

¹²⁸ Berman I. Central Asia's Encouraging Development. Why the Region Is Embracing Greater Cooperation and Coordination [Электронный ресурс]. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/central-asia/2017-08-08/central-asias-encouraging-development> (дата обращения: 23.03.2020).

¹²⁹ Weitz R. U.S. New Silk Road Initiative Needs Urgent Renewal // Central Asia-Caucasus-Analyst. 3 March.2015. P. 7-10.

¹³⁰ Глянец М.Х. Большая игра в Большой Центральной Азии // Проблемы постсоветского пространства. 2019. № 6 (3). С. 238-243.

¹³¹ Cooley A. Great Game, Local Rules: The New Great Power Contest in Central Asia. USA, 2012. 272 p.; Cooley A. Heathershaw J. Dictators Without Borders. Power and Money in Central Asia. USA, 2017. 320 p.

¹³² Laruelle M., Peyrouse S. The Chinese Question in Central Asia . Domestic Order, Social Change and the Chinese Factor. UK., 2012. 271 p.; Cooley A., Laruelle M. The Changing logic of Russian Strategy in Central Asia. From Privileged Sphere to Divide and Rule? // PONARS Eurasia Policy Memo. 2013. № 261. P. 1-6.

Легволда Р.¹³³, Лемона Э.¹³⁴, Макглинчи Э.¹³⁵, Манкоффа Дж.¹³⁶, Олкотт М.¹³⁷, Пейруза С.¹³⁸, Румера Е.¹³⁹, Старра Ф.¹⁴⁰, Стронски П.¹⁴¹, Шоттенфельда Дж.¹⁴².

В *шестую группу* работ включены труды китайских исследователей, занимающихся изучением политики Китая в Центральной Азии в контексте инициативы «Один пояс-Один путь». Среди них можно выделить Ван Щуцуня¹⁴³, Ли Синя¹⁴⁴, Ли Юнхуэйя¹⁴⁵, Лю Цзайци¹⁴⁶, Фань Сюэсуна¹⁴⁷, Фэн Ишу¹⁴⁸ и др.

К *седьмой группе* относятся работы ученых из Турции и Ирана, в которых анализируются международные отношения в странах Центральной Азии. Среди них можно

¹³³ Стратегические перспективы: ведущие державы, Казахстан и центральноазиатский узел / Под ред. Р. Легволда. Лондон, 2004.

¹³⁴ Lemon E. Mirziyoyev's Uzbekistan: democratization or authoritarian upgrading? Foreign Policy Research Institute. USA., 2019.

¹³⁵ McGlinchey E. Avoiding the Great Game and Domestic Unrest in Eurasia // PONARS Eurasia Policy Memo. 2005. № 402. P. 217-221; Central Asia's Autocrats: Geopolitically Stuck, Politically Free // PONARS Eurasia Policy Memo. 2015. № 380. P. 1-5; Questioning Sinophobia in Central Asia // PONARS Eurasia Policy Memo. 2019. № 630. P. 1-5.

¹³⁶ Mankoff J. Russian Foreign Policy: The Return of Great Power Politics. New York: Rowman & Littlefield Publishers, 2009. 359 p.; Политика США в Центральной Азии после 2014 г. // Pro et Contra. Январь-апрель, 2013. С. 41-57.

¹³⁷ Olcott M.B. Central Asia's Catapult to Independence [Электронный ресурс]. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/kazakhstan/1992-06-01/central-asias-catapult-independence> (дата обращения: 23.03.2020); Центральная Азия: как превратить бывших поданных в друзей? / Россия: ближайшее десятилетие / под ред. Э. Качинса и Д. Тренина. М., 2004. С. 131-135; Второй шанс Центральной Азии. Москва; Вашингтон, 2005. 487 с.

¹³⁸ Laruelle M., Peyrouse S. Regional Organizations in Central Asia: Patterns of Interaction, Dilemmas of Efficiency. Working Paper. 2012. N. 10. 57 p.

¹³⁹ Rumer E.B. China, Russia and the Balance of Power in Central Asia // Strategic Forum. November, 2006. № 223. P. 1-8; Rumer E., Trenin D., Huasheng Zh. Central Asia. View from Washington, Moscow and Beijing. New York, 2015. 223 p.

¹⁴⁰ Starr F.S. Making Eurasia Stable // Foreign Affairs. January/February, 1996. P. 73-82; A Partnership for Central Asia // Foreign Affairs. July/August, 2005. P. 145-156.

¹⁴¹ Stronski P., Ng N. Cooperation and Competition. Russia and China in Central Asia, the Russian Far East, and the Arctic [Электронный ресурс]. URL: https://carnegieendowment.org/files/CP_331_Stronski_Ng_Final1.pdf (дата обращения: 23.03.2020).

¹⁴² Lemon E., Schottenfeld J. Putin's Ploys in Central Asia and His Weakening Influence in the Region [Электронный ресурс]. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2016-01-14/putins-ploys-central-asia> (дата обращения: 23.03.2020).

¹⁴³ Ван Шуцунь, Цинсун Вань. На пути к взаимовыгодному сотрудничеству «Экономический пояс Шелкового пути» и ЕАЭС – конкуренты или партнеры? // Свободная мысль. 2014. № 4 (1646). С. 91-102.

¹⁴⁴ Ли Синь. Китайский взгляд на создание Евразийского экономического пространства [Электронный ресурс]. URL: <http://ru.valdaiclub.com/a/reports/kitayskiy-vzglyad-evraziyskogoe-prostranstvo/> (дата обращения: 24.05.2020).

¹⁴⁵ Ли Юнхуэй. Большое Евразийское партнерство и китайско-российские отношения // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2018. Т. 23. № 23. С. 42-51.

¹⁴⁶ Лю Цзайци. «Мягкая сила» в стратегии развития Китая // Полис. Политические исследования. 2009. № 4. С. 149-155.

¹⁴⁷ Фань Сюэсун. Взаимодействие России и Китая в сфере региональной безопасности в Центральной Азии: механизмы и стратегии. Дис. на соис. уч. степени канд. полит. наук. Москва, 2018. 265 с.

¹⁴⁸ Фэн Ишу. Шелковый путь на кончике кисти. М.: Издательство Шанс, 2019. 335 с.

выделить исследования таких авторов, как Ахмадийана Б. А.¹⁴⁹, Балчи Б¹⁵⁰., Джаббари Насира Х.¹⁵¹, Санаи М.¹⁵², Фидана Х.¹⁵³, Сулу А.Э.¹⁵⁴.

В *восьмую группу* включены работы ученых стран Центральной Азии, в которых исследуется место государств региона в современной системе международных отношений. Среди них можно выделить работы следующих авторов: Джекшенкулова А. Дж.¹⁵⁵, Джоробековой А.Э.¹⁵⁶, Лаумулина М.Т.¹⁵⁷, Тогусакова О.А.¹⁵⁸.

К *девятой группе* работ относятся фундаментальные исследования, раскрывающие вопросы формирования и реализации внешней политики стран Центральной Азии в условиях изменения геополитической ситуации. Среди них можно выделить Акматалиеву А.М.¹⁵⁹, Додонова В.Ю.¹⁶⁰, Иманалиева М.С.¹⁶¹, Кадыркулову А.С.¹⁶², Кангельдиева А.Н.¹⁶³,

¹⁴⁹ Ахмадийан Б.А. Отношения Тегерана и Душанбе: от дня вчерашнего к сегодняшнему [Электронный ресурс]. URL: <https://inosmi.ru/20170829/240130734.html> (дата обращения: 24.05.2020).

¹⁵⁰ Balci B. How Central Asian Republic s Perceive the Emerging Eurasian Union [Электронный ресурс]. URL: <https://carnegieendowment.org/2015/01/24/how-central-asian-republics-perceive-emerging-eurasian-union-pub-58943> (дата обращения: 23.03.2020).

¹⁵¹ Джаббари Насир Х.Р. Особенности формирования центральноазиатского направления публичной дипломатии Ирана // Изв.Сарат.ун-та. Нов.сер.Сер.Социология.Политология.2019.Т.19.Вып.1. С. 106-112.

¹⁵² Санаи М. Взаимоотношения Ирана и Центральной Азии: тенденции и перспективы. СПб.: «Петербургское Востоковедение»; М.: «Садра», 2017. 320 с.

¹⁵³ Fidan H. Turkish Foreign Policy towards Central Asia // Journal of Balkan and Near Eastern Studies. 2010. V. 12. № 1. Pp. 109-121.

¹⁵⁴ Sucu A.E., Iskandarov Q.I., Mahmudov R.B., Chernov D.N. Does Turkey have a Central Asian project? // Вестник МГИМО-Университета. 2021. № 14 (3). С. 82-96.

¹⁵⁵ Джекшенкулов А.Дж. Внешняя политика стран Центральной Азии // Вестник КРСУ. 2015. Т. 15. № 12. С. 79-84; Он же. Новые независимые государства Центральной Азии в мировом сообществе. М.: «Научная книга», 2000. 306 с.

¹⁵⁶ Джоробекова А.Э. Основные тенденции и направления интеграционных процессов в Центральной Азии. Бишкек, 2007. 156 с.

¹⁵⁷ Лаумулин М.Т. Центральная Азия в зарубежной политологии и мировой геополитике. Алматы: КИСИ при президенте РК, 2009. 436 с.; Он же. Центральноазиатская политика США при президентстве Б. Обамы // Центральная Азия и Кавказ. 2010. Вып. 4. Т. 13. С. 47-62; Он же. История Казахстана и Центральной Азии в мировой ориенталистике (к 550-летию Казахского ханства). Часть 1. Астана: КИСИ, 2015. 416 с.

¹⁵⁸ Тогусаков О.А., Акаев А.А. Состояние внешних миграционных процессов стран СНГ // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2017. № 9. С. 93-99.

¹⁵⁹ Акматалиева А.М. Основы внешней политики Кыргызской республики. Бишкек, 2014. 222 с.

¹⁶⁰ Додонов В.Ю. Инвестиционная активность ведущих стран мира в Казахстане // Россия и новые государства Евразии. 2020. № 3 (48). С. 94-113; Он же. Торговые войны США и потенциал их влияния на экономику Казахстана // Проблемы постсоветского пространства. 2018. № 5 (4). С. 390-407.

¹⁶¹ Иманалиев М.С. Очерки о внешней политике Кыргызстана. Бишкек, 2002. 160 с.

¹⁶² Кадыркулова А.С. Национальные интересы независимого Кыргызстана в условиях нового геополитического пространства. Автореф. дис. на соис. степени канд. полит.наук. Бишкек, 2006. 24 с.

¹⁶³ Кангельдиев А.Н. Перспективы и приоритеты внешней политики Кыргызской республики на современном этапе // Вестник КРСУ. 2015. Т. 15. №. 12. С. 98-101.

Комилову Х. Г.¹⁶⁴, Кушкумбаева С.К.¹⁶⁵, Майтдинову Г. М.¹⁶⁶, Медеубаеву Ж.М.¹⁶⁷, Саидова З.Ш.¹⁶⁸, Султанова Б.К.¹⁶⁹, Сыздыкова М.З.¹⁷⁰, Токаева К.Ж.¹⁷¹, Толипова Ф. Ф.¹⁷²,

К *десятой группе* относятся работы, посвященные выстраиванию отношений стран региона с внерегиональными государствами. Среди них работы таких авторов, как Курманова З.К.¹⁷³, Парамонова В.В.¹⁷⁴, Сыроежкина К.Л.¹⁷⁵, Шайхутдиновой М.Е.¹⁷⁶.

Вышеперечисленные работы отражают особенности внешнеполитической стратегии внерегиональных акторов в Центральной Азии, направленной на укрепления своего регионального влияния.

Однако следует признать отсутствие комплексных фундаментальных, теоретико-концептуальных работ обобщающего характера, раскрывающих интересы внерегиональных акторов в странах Центральной Азии в условиях формирования нового мирового порядка. Подавляющая часть исследований, посвященных проблемам Центральной Азии и политике центрально-азиатских стран на современном этапе, рассматривают лишь отдельные аспекты региональной геополитической и геоэкономической динамики, не учитывая комплекс механизмов, которые используются ведущими центрами мировой политики в странах Центральной Азии.

Объект исследования - Центральная Азия как современный феномен геополитики.

¹⁶⁴ Комилова Х.Г. Республика Таджикистан в системе международных отношений и геополитических координат в условиях нового мирового порядка (региональный формат). Дис. на соис. уч. степени докт. истр. наук. Душанбе, 2020. 353 с.

¹⁶⁵ Кушкумбаев С.К. Внешняя политика Казахстана в глобальном мире // Перспективы партнерства Казахстана и Украины в новых геополитических и геоэкономических условиях: Материалы Международного круглого стола. Алматы: КИСИ при Президенте РК, 2009. 88 с.

¹⁶⁶ Майтдинова Г.М. Таджикистан в геополитических трендах в начале третьего десятилетия XXI в. // Постсоветские исследования. 2021. Т.4.№ 1. С.9-16.

¹⁶⁷ Медеубаева Ж.М. История формирования внешнеполитической доктрины Республики Казахстан (1991-2010). Астана, 2012. 288 с.

¹⁶⁸ Саидов З.Ш. Внешняя политика Республики Таджикистан (1991-2017 гг.). Душанбе: Контраст, 2017. 142 с.

¹⁶⁹ Султанов Б.К. Этапы развития внешней политики Республики Казахстан // Центральная Азия и Кавказ. 2001. №6 С. 159-170; Султанов Б.К. Основные приоритеты внешней политики Казахстана // Центральная Азия: 1991-2009 гг. Алматы: КИСИ при Президенте РК, 2010. С. 69-79.

¹⁷⁰ Сыздыков М.З. Принцип многовекторности во внешней политике Казахстана: факторный анализ // Россия и Казахстан: исторический опыт сотрудничества и перспективы интеграции. Материалы II Международной научно-практической конференции. Омск, 2015. С. 99-106.

¹⁷¹ Токаев К.Ж. Внешняя политика Республики Казахстан в период становления нового мирового порядка. Дис. на соис. уч. степени докт.полит.наук. 2001. 440 с.

¹⁷² Толипов Ф.Ф. К вопросу «о большой стратегии» Узбекистана // Центральная Азия и Кавказ. 2011. Т.14.Вып.3. С. 171-182.

¹⁷³ Курманов З.К. Кыргызстан-Россия: смена парадигм? // Кыргызско-российские отношения: позитивные реалии и перспективы сотрудничества: Материалы Международного круглого стола, посвященного 20-летию образования КРСУ. Бишкек: Изд-во КРСУ, 2013. 117 с.

¹⁷⁴ Парамонов В.В. Россия и Китай в Центральной Азии: концептуальный аспект // Россия и новые государства Евразии. 2018. № 4(41). С. 122-131.

¹⁷⁵ Сыроежкин К.Л. Казахстан-Китай: от приграничной торговли к стратегическому партнерству. В трех книгах. Книга 2. В формате стратегического партнерства. Алматы: Казахстанский институт стратегических исследований при Президенте РК, 2010. 384 с.

¹⁷⁶ Шайхутдинов М. Е. Казахстан и стратегические интересы глобальных игроков в Центральной Азии // Россия и мусульманский мир. 2009. № 10. С. 89-100.

Предмет исследования – соперничество внерегиональных акторов в Центральной Азии в контексте трансформации мирового порядка.

Цель исследования – выявить роль Центральной Азии в формировании нового мирового порядка.

Достижение поставленной цели требует решения следующих **задач**:

1. Концептуализировать понятие «Центральная Азия» как особого феномена в мировой политике;
2. Оценить геополитическую роль Центральной Азии в условиях формирования нового мирового порядка;
3. Выявить концептуальные сходства и отличия во внешнеполитических стратегиях стран Центральной Азии;
4. Определить место и роль Центральной Азии во внешнеполитической стратегии США;
5. Выявить геополитическую динамику в Центральной Азии в контексте кардинальных трансформаций в мире;
6. Раскрыть растущее значение многосторонних форматов сотрудничества в политике внерегиональных акторов в отношении стран Центральной Азии;
7. Выявить особенности «мягкой силы» в политике внерегиональных акторов в Центральной Азии;
8. Проанализировать политику «мягкой силы» России в центральноазиатских странах;
9. Выявить приоритетные направления российской политики в Центральной Азии.

Теоретико-методологическая основа исследования. Основной теоретической базой данного диссертационного исследования выступает системный подход, который позволил осуществить анализ стратегии внерегиональных акторов в отношении Центральной Азии. Также автором предложен и применен геополитический подход к исследованию Центральной Азии, согласно которому регион включен в современные геополитические процессы.

В диссертационном исследовании использована совокупность общенаучных и специальных методов познания, с помощью которых анализировались рассматриваемые в работе процессы и явления. Из общенаучных методов в работе использовались анализ, синтез, индукция, дедукция, диагноз и прогноз. К категории специальных (частнонаучных) методов относятся структурный, институциональный, сравнительно-исторический, сравнительно-правовой, метод комплексного анализа, метод правового анализа, метод системного

исследования, метод контент-анализа. При этом базовыми установками проводимого исследования являются принципы системности, объективности и историзма.

Основные результаты исследования, полученные автором, и их научная новизна.

Настоящая диссертация представляет собой комплексное исследование новейших геополитических процессов в современной Центральной Азии:

1. Дана авторская трактовка геополитического концепта «Центральная Азия», введенного в оборот после распада СССР. Доказано, что, несмотря на этимологическую связь с географическим термином «Центральная Азия», современное понятие «Центральная Азия» является политическим конструктом, имеющим узкие политико-географические границы. Эти отличия обуславливают научные дискуссии вокруг данного понятия. Введенный в научный оборот термин «Центральная Азия» отражает геополитические задачи центрально-азиатских стран и внерегиональных акторов, которые связаны с формированием на международной арене благоприятного имиджа региона и восприятием его в качестве геополитической единицы.

2. Дана авторская оценка геополитического значения Центральной Азии в контексте формирования нового мирового порядка. Установлено, что возросшая геостратегическая роль региона в глобальной политике определяется переформатированием системы международных отношений, борьбой за рынки сбыта и источники сырья.

3. Автором выявлены концептуальные сходства и отличия во внешнеполитических стратегиях стран Центральной Азии. Установлено, что общим для стран Центральной Азии является опора на принципы проведения многовекторной внешней политики, которая открывает им широкие возможности, в первую очередь, финансово-экономические, во внешнем мире. Отличия касаются форм проведения многовекторной внешней политики: Казахстан, Киргизия, Таджикистан реализуют внешнеполитический курс, направленный на максимальную вовлеченность в международные отношения, Узбекистан придерживается принципа неучастия в военно-политических альянсах, Туркменистан исходит из статуса нейтралитета.

4. Доказано, что активная политика внерегиональных государств в Центральной Азии является частью их общей внешнеполитической стратегии, направленной на доминирование в мировой политике (США и страны Запада), изменение/повышение своего статуса в мировой иерархии государств (Турция), установление контроля над энергетическими ресурсами (Китай, Япония), формирование пояса стабильности и добрососедства (Россия).

5. Выявлено, что соперничество геополитических акторов в Центральной Азии существенно возросло в условиях кардинальных трансформаций в мировой политике. Одним из показателей усиления внимания к региону является широкое разнообразие форм взаимодействия, инициаторами создания которых выступают внерегиональные акторы. Многообразие форм взаимодействия и вовлечения в многосторонние механизмы выступают: евразийская экономическая интеграция, американские проекты сотрудничества, консультативные советы, министерские встречи и другие форматы взаимодействия. В условиях меняющейся системы международных отношений многообразные формы сотрудничества выступают в качестве эффективных инструментов внерегиональных государств в продвижении их интересов в Центральной Азии.

6. Установлено, что страны региона активно участвуют в многосторонних форматах сотрудничества, предлагаемых внерегиональными акторами, усматривая в них возможность решить свои внутривнутриполитические и экономические проблемы. Участие стран региона в многосторонних форматах обусловлено не ценностными ориентирами, а желанием реализовать свои национальные интересы и сбалансировать влияние внерегиональных акторов.

7. Автором доказано, что, несмотря на возрастание в мировой политике практического значения военной силы и экономических санкций, инструменты «мягкой силы» по-прежнему востребованы в стратегии внерегиональных государств в Центральной Азии. В частности, активно используются неправительственные организации, образовательные структуры, институты продвижения иностранного языка, оказывая существенное влияние на формирование благоприятного образа внерегиональных государств в странах региона.

8. Автором выявлены сильные и слабые стороны «мягкой силы» России в странах Центральной Азии. К сильным сторонам относятся гуманитарные связи России со странами региона как по линии двустороннего, так и многостороннего форматов сотрудничества (СНГ, ЕАЭС); медийные ресурсы; общие историко-культурные ценности. Среди слабых сторон, можно выделить отсутствие единой консолидирующей идеи (концепция «евразийства» выглядит недостаточно привлекательно); сужение пространства использования русского языка; восприятие элитами стран региона российской внешней политики в Центральной Азии через призму наследия Российской империи.

9. Выявлены основные целевые установки политики России в Центральной Азии в целом и особенности двустороннего сотрудничества со странами региона. Одной из главных целевых установок региональной политики России является поддержание стабильности и безопасности посредством объединения общих усилий, направленных на купирование или минимизацию угроз.

Положения, выносимые на защиту:

1. Трактовка геополитического концепта «Центральная Азия» после распада СССР.

Демонтаж СССР привел к появлению в центре Евразии новых независимых государств, пространственно-территориальные границы которых стали формировать контуры региона под названием «Центральная Азия». Однако данное политическое название является искусственно сконструированным концептом, не отражающим географические, исторические, социокультурные, религиозные особенности рассматриваемого пространства. Эти особенности стали, во-первых, основанием для широкого политологического дискурса вокруг сути данного понятия, во-вторых, возможностью для геополитических центров силы, преимущественно США, выдвигать внешнеполитические концепции расширения географических границ политического пространства под названием «Центральная Азия». При этом введенное в оборот понятие «Центральная Азия» выполнило свою главную задачу – сформировало благоприятный имидж региона на международной арене и сделало пять суверенных республик (Казахстан, Киргизию, Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан) узнаваемыми.

2. Геополитическое значение Центральной Азии в контексте формирования нового мирового порядка.

В условиях кардинальной трансформации всей системы международных отношений заметно усиление роли Центральной Азии в мировой политике. В регионе, отличающимся не только своей геополитической уникальностью, но и богатым ресурсным потенциалом, усиливается геополитическое и геоэкономическое противостояние между ведущими державами мировой политики. Очень болезненно страны Запада реагируют на активную и инициативную региональную политику России и Китая. В своем стремлении сдержать Россию и Китай в Центральной Азии США и ЕС используют все возможные инструменты регионального влияния. В условиях формирования полицентричного мирового порядка активно действуют в регионе Турция, Иран и Япония, стремящиеся укрепить свои региональные позиции. При этом в регионе существует очень высокий конфликтный потенциал в виде внутривнутриполитических проблем, межгосударственных конфликтов, трансграничных угроз, катализатором которых могут стать внешние силы. Следовательно, Центральная Азия является геополитическим феноменом в мировой политике, где переплетаются вызовы и возможности. При этом в условиях трансформации мирового порядка у стран региона наблюдается дихотомия в отношениях с внерегиональными государствами, где прослеживается субъектно-объектная модель сотрудничества. С одной стороны, страны региона самостоятельно выстраивают свою внешнюю политику с опорой на принципы равноправия и взаимной выгоды, укрепляя международную субъектность. С

другой стороны, геополитическая конкуренция и стремление внерегиональных государств к включению этих стран в свою орбиту влияния делает их объектами современной мировой политики.

3. Концептуальные сходства и отличия во внешнеполитических стратегиях стран Центральной Азии.

Республики Центральной Азии с момента обретения независимости и по настоящее время стремятся проводить открытую, многовекторную и сбалансированную внешнюю политику. Такие предпочтения в отношении концептуальных основ своей внешней политики обусловлены желанием политических лидеров государств региона сохранить свой национальный суверенитет и избежать появления такого сценария, где бы им отводилось подчиненное место. Несмотря на то, что все государства Центральной Азии стремятся проводить сбалансированную внешнюю политику, маневрируя между мировыми центрами силы ради реализации своих национальных интересов, в основе которых лежит экономический прагматизм, тем не менее, формы этой политики значительно разнятся ввиду национальных особенностей и предпочтений правящей элиты этих стран. К отличительным особенностям внешней политики некоторых стран Центральной Азии – Узбекистана и Туркменистана – относится их особый внеблоковый статус, который несмотря на свою специфику достаточно ограниченного внешнеполитического положения, позволяет им успешно развивать и углублять сотрудничество со всеми государствами мирового сообщества, реализуя свои национальные интересы и защищая национальную безопасность.

4. Политика США в Центральной Азии в контексте общей стратегии доминирования в мировой политике.

Центральной Азии отводится не приоритетное, но важное место во внешней политике США. Одной из главных задач для американской администрации в этом геополитически важном регионе является укрепление позиций США в рамках усилий по сохранению своего лидирующего положения в мире. В последнее время США пытаются нарастить свое присутствие в Центральной Азии посредством позиционирования себя привлекательным экономическим и инвестиционным партнером для республик в условиях региональной геополитической и геоэкономической активности России и Китая. Смещение акцентов с идеологических принципов на проведение прагматичной внешней политики в Центральной Азии нацелено на переориентацию экономических и политических контактов стран региона с российского и китайского направлений в сторону сотрудничества с США. Реализации этой цели призвана способствовать антироссийская риторика, которая стала традиционным элементом внешнеполитической тактики Вашингтона. Интенсивное

взаимодействие России и Китая со странами региона обусловили появление американской стратегии в Центральной Азии на 2019-2025 гг. Целью данной стратегии является не столько содействие укреплению суверенитета стран региона, сколько попытка сохранить за собой статус глобального гегемона, сдержать процессы интеграции России и стран Центральной Азии, а также ослабить китайскую экономическую экспансию.

5. Усиление геополитического соперничества в Центральной Азии в условиях кардинальных трансформаций в мире.

Помимо США другие внерегиональные акторы ведут очень активную политику в Центральной Азии. ЕС развивает сотрудничество с государствами региона в двустороннем и многостороннем форматах в таких областях, как политика, экономика, транспорт и безопасность. Однако в системе интересов ЕС в Центральной Азии особое место занимают углеводороды, что обусловило заинтересованность Брюсселя в прокладке трубопроводов из Центральной Азии через Кавказ в Европу. На протяжении всего периода независимости стран Центральной Азии ЕС активно помогает государствам региона в их экономическом и социальном развитии посредством оказания значительной материальной помощи в виде грантов, кредитов, а также по линии различных европейских программ - БОМКА, КАДАП и т.д. Усиливая особую роль в развитии стран Центральной Азии, ЕС стремится укрепить свои региональные политические позиции. Руководство ЕС имеет долгосрочные интересы в Центральной Азии, что доказывают принятые в отношении региона стратегические документы. Используя различные инструменты, ЕС пытается увести регион из-под влияния России. Несмотря на тот факт, что геополитические и геоэкономические интересы ЕС и США по многим параметрам являются близкими, Брюссель предпочитает действовать в регионе самостоятельно.

В системе внешнеполитических приоритетов Китая Центральная Азия занимает особое место, что обусловлено географическим положением региона и его богатыми природными и сырьевыми ресурсами. Китай рассматривает Центральную Азию как источник стратегического сырья для своей растущей экономики. Соседство с республиками, имеющими высокий конфликтный потенциал, ставит во главу угла вопросы безопасности в региональной политике Китая. По мере укрепления экономических позиций Китая в странах Центральной Азии будет расти его политическое влияние.

6. Усиление роли многосторонних форматов сотрудничества в политике внерегиональных акторов в отношении стран Центральной Азии.

Геополитические планы Турции в отношении Центральной Азии с 90-х г. практически не изменились. В настоящее время Турция стремится к объединению тюркских народов под своей эгидой и параллельно возрождению былой мощи Османской империи.

Идейное содержание внешней политики Турции в Центральной Азии конструируется на основе трех концептов – пантюркизма, неоосманизма и панисламизма. Под руководством амбициозного политического лидера, каким является Р. Эрдоган, Турция заметно расширяет свое влияние в регионе посредством религиозного фактора. Опираясь на институциональные механизмы многостороннего регионального сотрудничества (Организация тюркских государств) Турция создает максимально выгодные для себя геополитические возможности в Центральной Азии.

По сравнению с Турцией Иран имеет ограниченные возможности в Центральной Азии вследствие принадлежности национальных государств региона к тюркскому миру, за исключением Таджикистана. Характерной чертой внешней политики Ирана в Центральной Азии является опора на реалистический экономический прагматизм. Пребывая в сложном международном положении и находясь под санкциями Запада, Иран стремится стать активным игроком в Центральной Азии. На фоне обострения геополитической конкуренции в регионе Иран все активнее укрепляет сотрудничество со странами региона в рамках многосторонних форматов по линии ЕАЭС и ШОС, при этом, нисколько не снижая акцента на развитии и углублении двустороннего сотрудничества.

Наряду с Ираном Япония перешла от идеологических к более прагматичным подходам: укрепление экономического сотрудничества с республиками Центральной Азии. Начиная с 90-х г., у Японии стали постепенно формироваться долгосрочные экономические, политические, гуманитарные интересы в Центральной Азии, которые к началу нового столетия приобрели ясные концептуальные очертания. Углеводородный потенциал региона стимулирует Японию, отличающуюся своей динамично развивающейся моделью экономического развития, к установлению более тесного сотрудничества с государствами Центральной Азии. Приоритетом региональной политики Японии является попытка создать геополитическую конкуренцию интересам Китая и России через различные инструменты влияния. Многосторонний формат сотрудничества «Диалог Япония – Центральная Азия», созданный по инициативе японского руководства в начале XXI в., в настоящее время служит эффективной площадкой, с помощью которой Япония пытается укрепить свои позиции в Центральной Азии. С одной стороны, Япония благодаря своей финансово-экономической мощи и опоре на многосторонний механизм имеет хорошие шансы создать в Центральной Азии благоприятные возможности для расширения своего политического влияния. С другой стороны, отсутствие общей географической границы между Японией и Центральноазиатскими государствами тормозит процесс взаимного притяжения.

7. Инструменты «мягкой силы» в стратегии внерегиональных государств в Центральной Азии.

Ведущие страны Запада и Востока в геополитической борьбе в Центральной Азии активно опираются на инструменты «мягкой силы», среди которых можно выделить идейно-ценностные механизмы, развернутую деятельность НПО (особенно американских и европейских), культурную дипломатию, образовательные проекты. При этом реализация мягкой политики направлена не только на формирование лояльного политического лобби в государствах региона, но и на работу с населением, преимущественно с молодежью, часть которой в будущем может составить основу нового кадрового потенциала для управления национальными государствами. Несмотря на возрастающую роль «жесткой силы» в мировой политике, политика «мягкой силы» внерегиональных государств стала одной из форм проекции их геополитической борьбы в Центральной Азии.

8. «Мягкая сила» России в странах Центральной Азии.

Из-за упущенных возможностей в 90-е г., Россия только недавно стала активно создавать и использовать инструменты «мягкой силы» в странах Центральной Азии. Совместное пребывание некогда в составе единого советского государства и общее историко-культурное наследие со странами региона стали одним из главных преимуществ России в процессе продвижения ее «мягкой силы» в Центральной Азии. Однако эти ценности постепенно размываются на фоне смены поколений в национальных республиках. Сужается пространство использования русского языка, в котором представители политической элиты стран региона необоснованно усматривают серьезную угрозу своей национальной идентичности, что стимулирует их на законодательном уровне отказаться от его употребления в языковой сфере.

9. Приоритеты политики России в странах Центральной Азии.

Россия является важным партнером государств Центральной Азии в силу особых уз, которые связывают народы этих государств. По линии двустороннего и многостороннего форматов сотрудничества между Россией и государствами региона активно развиваются политические, экономические, военно-технические, гуманитарные связи. Во внешней политике России Центральной Азии отводится приоритетное место, что обусловлено общими политическими и экономическими выгодами, взаимной заинтересованностью в устойчивости политических режимов, а также желанием коллективными усилиями поддерживать региональную стабильность и безопасность.

Однако влияние России в регионе довольно ограничено другими геополитическими соперниками, которые либо сильны своими экономическими ресурсами (Китай), либо идеологическими ценностями (страны коллективного Запада, Турция). Негативно

отражаются на сотрудничестве между Россией и странами Центральной Азии рост националистических тенденций и попытки властвующей политической элиты пересмотреть общую с Россией историю, конструируя ее новый нарратив с целью укрепить национальную государственность.

Научно-практическая значимость работы. Результаты, полученные по итогам проведенного диссертационного исследования, могут иметь прикладное значение для российских ведомств и организаций, занимающихся разработкой внешней политики на центральноазиатском направлении с учетом всех вызовов и ограничений. В условиях усиления геополитического соперничества в Центральной Азии непредвзятый анализ происходящих в регионе экономических и политических процессов крайне важен для разработки Россией эффективной поведенческой тактики. Рекомендации по расширению возможностей влияния России в Центральной Азии могут быть инкорпорированы в разработку комплексной региональной стратегии. Кроме того, материалы диссертации могут быть использованы для проведения дальнейших научных политологических исследований по Центральной Азии, а также при разработке курса лекций по геополитике, мировой политике и политологии.

Апробация результатов исследования. Основные результаты исследования были представлены в докладах и выступлениях:

- «On the Way to a Stable World: Security and Sustainable Development» (США, 5 марта 2015 г.); «Россия, Иран, Турция: новые реалии сотрудничества» (г. Бишкек, 17 ноября 2016 г.); «Приграничный регион в историческом развитии: партнёрство и сотрудничество» (Чита, 22 сентября 2017 г.); «Международные транспортные коридоры и перспективные зоны интенсивного развития в условиях глобализации» (г. Москва, 18 декабря 2018 г.); «Геополитическая трансформация Черноморского региона» (г. Москва, 26 сентября 2019 г.); «Центральная Азия в контексте геополитических изменений: внутренние вызовы и политика внерегиональных государств» (г. Бишкек, 16 марта 2020 г.); Международная видеоконференция «Информационное и аналитическое сопровождение евразийской интеграции» (г. Москва, 16 июня 2020 г.); Международная научно-практическая конференция в честь 75-летия победы в Великой Отечественной войне «Приграничный регион в историческом развитии: партнерство и сотрудничество» (Чита, 17-18 сентября 2020 г.); Международный вебинар «Шанхайская организация сотрудничества и региональные возможности» (г. Тегеран, 14 декабря 2021 г.).

Полученные в ходе диссертационного исследования результаты легли в основу курса лекций по учебным дисциплинам в Кыргызско-Российском Славянском университете «Политическая география», «Политическая история России и зарубежных стран»,

«Центральная Азия в системе международных отношений» для бакалавров направления подготовки «Международная политика», а также «История политики», «Основы политического анализа», «Политический консалтинг и консультирование» для магистрантов направления подготовки «Стратегический анализ и прогнозирование в политике».

Основное содержание диссертации отражено в 2-х индивидуальных монографиях «Центральная Азия в современных мирополитических процессах» (Москва: Издательство «Аспект Пресс», 2020. 12 п.л.) и «Центральная Азия во внешней политике Турции и Ирана» (Москва: Издательство «Аспект Пресс», 2022. 10 п.л.).

Структура работы. Диссертация состоит из введения, 5 глав, 15 параграфов, заключения и библиографии.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обосновывается актуальность темы исследования, дается оценка степени ее разработанности, определяются объект, предмет, цель и задачи, показана научная новизна. Кроме того, определены выносимые на защиту положения, теоретическая и практическая значимость исследования, а также представлена апробация полученных результатов.

В первой главе **«Стратегическое значение Центрально-Азиатского региона в формирующемся полицентричном мире»** показана геостратегическая роль Центральной Азии в современном мире, а также дан анализ внешнеполитических концепций государств региона с акцентом на степени их субъектности в мировой политике.

В первом параграфе **«Концептуализация понятия «Центральная Азия»** рассматривается история возникновения данного термина, подходы к его интерпретации.

Геополитическая трансформация в Евразии в 1991 г. обусловила появление в центре этого материка пяти новых независимых государств, политико-географические границы которых стали именоваться регионом Центральная Азия. На возникновение нового названия региона «Центральная Азия», который переводится на английский язык как «Central Asia», повлияли новые международно-политические реалии, характеризующиеся торжеством либерально-демократических государств и как следствие внешнеполитическая ориентация стран региона в сторону Запада. Понятие «Центральная Азия», введённое в оборот властвующими элитами в отношении региона, отличающегося культурным, этническим, религиозным разнообразием, являлось искусственно сконструированным концептом преимущественно с политической окраской. Цель появления политического названия

«Центральная Азия», которую стремились реализовать лидеры новых независимых государств, - это желание изолироваться от советского наследия и возможность представить новый регион, формируемый суверенными субъектами международных отношений на мировой арене. Нужно учитывать, что исторически у данного политико-географического пространства было несколько наименований - Центральная Азия, Внутренняя Азия, Туркестан, Туран, Средняя Азия, Средняя Азия и Казахстан, поэтому новый концепт вызвал дискуссию в российских и западных академических кругах. На практике расширить географические рамки нового региона стремились ведущие центры мировой политики, реализующие в регионе свои геополитические интересы. Одной из таких попыток является геополитический подход к Центральной Азии, разработанный американским исследователем Ф. Старром (концепция «Большая Центральная Азия»), исключающий исторические и культурные особенности региона и ориентированный на расширение сфер влияния США в Евразии. В целом появление понятия «Центральная Азия», во-первых, завершило процесс оформления нового международно-политического региона; во-вторых, сформировало благоприятный имидж стран региона на международной арене и сделало их узнаваемыми; в-третьих, укрепило субъектность новообразованных государств во внешней среде и открыло для них хорошие возможности для национального развития. В данном исследовании автор представляет регион как политический конструкт в составе пяти постсоветских стран – Казахстан, Киргизия, Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан, по отношению к которому все остальные рассматриваемые акторы являются внерегиональными государствами.

Во втором параграфе **«Центральная Азия как геополитический феномен в системе международных отношений»** рассматриваются эндогенные и экзогенные факторы, определяющие развитие стран региона. Анализируется увеличение степени значимости Центральной Азии в мировой политике на фоне глобальных трансформационных процессов.

Исторически Центральная Азия, расположенная в центре Евразии, на пересечении важных торгово-коммуникационных маршрутах, на пространстве соприкосновения различных мировых культур, играла существенную роль в глобальных политических процессах. Не случайно, на современном этапе в научный дискурс вернулся термин «Большая игра», используемый для оценки геополитических процессов в Центральной Азии. После распада СССР и возникновением в регионе новых независимых государств ведущие государства мировой политики предпринимали попытки заполнить образовавшийся «геополитический вакуум» в надежде стать для региональных государств центром притяжения. Особую активность в регионе демонстрировали страны

коллективного Запада, используя концепцию «экспорта демократии» как инструмент продвижения своих геополитических интересов в регионе. Любая активность России в Центральной Азии воспринималась на Западе как угроза их собственным интересам.

Рост геополитической активности в Центральной Азии обусловлен ее значимым геостратегическим положением. Во-первых, благоприятным географическим положением на пересечении международных сухопутных торгово-экономических маршрутов, соединяющих Европу с Азией. Во-вторых, наличием богатого ресурсного потенциала в виде природных и углеводородных богатств. Выход Казахстана и Туркменистана к Каспийскому морю также усиливают геополитический интерес внерегиональных акторов к Центральной Азии. Наряду с преимуществами, которые открывает регион для геополитических игроков, следует выделить широкий спектр вызовов и угроз в виде неэффективного государственного управления, коррумпированности властвующих режимов, негативного влияния неформальных элементов на политическую систему, набирающего силу национализма, религиозного экстремизма, межэтнических и территориальных противоречий, водно-энергетических конфликтов, дефицита квалифицированных кадров. Все эти факторы повышают конфликтный потенциал Центральной Азии.

В условиях трансформации мирового порядка нарастает геополитическое соперничество за сферы влияния в Центральной Азии. Страны коллективного Запада реализуют стратегию выдавливания России из ее традиционных сфер влияния. Утрата США своего статуса глобального лидера побуждает американский внешнеполитический истеблишмент к проведению более агрессивной внешней политики, в основе которой лежит стремление максимально ущемить интересы своих геополитических противников. Речь идет не только о России, но и о Китае, растущая экономическая мощь которого доставляет беспокойство США. Снижение американского влияния в мире будет стимулировать США к проведению более активной политики на постсоветском пространстве, включая страны Центральной Азии.

Соперничество в духе *Realpolitik* за сферы влияния в регионе обострилось как между традиционными державами, так и возвышающимися акторами. Все большее влияние на развитие Центральной Азии стали оказывать Турция, Иран, Япония, стремящиеся изменить свой статус в мировой иерархии посредством расширения регионального влияния. Между тем, несмотря на свой маленький калибр в мировой политике, страны региона, укрепив за годы независимости свою субъектность, стремятся выстраивать двусторонние и многосторонние форматы сотрудничества на принципах уважения и равноправия.

Центральная Азия является геополитическим феноменом в мировой политике, где переплетаются вызовы и возможности, а страны региона являются как субъектами, так и

объектами мировой политики. Та держава, которая приобретёт доминирующие позиции в Центральной Азии, должна будет обладать способностью и необходимыми ресурсами для отражения вышеуказанных вызовов и угроз, то есть выполнять стабилизирующую роль в регионе.

В третьем параграфе **«Доктринальные основы внешней политики Центральноазиатских государств: общее и особенное»** анализируется доктринальная база, а также внешнеполитический курс государств региона, ориентиры которого закреплены в стратегических внешнеполитических документах.

После обретения независимости в 1991 г. государства Центральной Азии, не имея опыта самостоятельного выстраивания внешнеполитических отношений, встали на путь проведения активной и открытой внешней политики. С целью преодолеть негативные последствия распада СССР государства региона ставили перед собой стратегическую задачу – сформировать устойчивую систему связей на глобальном и региональном уровнях, которая позволила бы укрепить их субъектность на мировой арене и создать условия для экономической и социальной модернизации. Основой для реализации этой задачи стал выбор в пользу многовекторной модели развития отношений с внешним миром. Такой выбор в пользу внешнеполитического балансирования был продиктован геополитическим положением региона, в центре Евразии, именуемого западными геополитиками Хартлендом. Расположение в таком стратегическом пространстве при наличии солидных запасов природных ресурсов делало государства Центральной Азии уязвимыми перед внешним влиянием и требовало от них выработки оптимальных подходов к выстраиванию своей внешней политики на равноправной основе.

С момента обретения независимости *Казахстан*, позиционируя себя мостом между Западом и Востоком, научился умело маневрировать между мировыми и региональными государствами, твердо отстаивая свои национальные интересы. Многовекторность внешней политики Казахстана обусловлена, прежде всего, его географической близостью к России и Китаю. Боясь попасть в зависимость от двух сильных региональных государств, Казахстан усмотрел в многовекторной внешней политике главное условие для обеспечения своего национального суверенитета. С 1992 г. и по настоящее время концепция многовекторности стала стержнем, формирующим теоретическую и практическую внешнюю политику Казахстана. Транзит власти в Казахстане и появление новой концепции внешней политики республики на 2020-2030 гг. продемонстрировал преемственность во внешнеполитическом курсе страны. В Концепции четко обозначен курс на продолжение реализации политики многовекторности как одного из базовых принципов внешней политики страны. В соответствии с новой концепцией Казахстан будет и дальше стремиться выстраивать

отношения с глобальными и региональными державами в двусторонних и многосторонних форматах взаимодействия. В своей внешней политике Казахстан опирается на принцип прагматизма, стремясь подчинить внешнюю политику внутренним задачам развития страны.

Киргизия, несмотря на свою небольшую территорию и слаборазвитую экономику, пытается балансировать между государствами Запада и Востока, что нашло отражение во внешнеполитической доктрине суверенной страны – Великий шелковый путь. Основные положения данной доктрины были встроены в первую внешнеполитическую концепцию страны от 1999 г. С тех пор в своей внешней политике Киргизия активно, но не всегда умело лавирует между глобальными и региональными державами, стремясь заручиться их поддержкой в решении своих внутренних социально-экономических проблем. В Концепции внешней политике республики от 2019 г. отмечается стремление Киргизии решить свои внутренние социально-экономические проблемы за счет внешнеполитических ресурсов. Несмотря на участие Киргизии в евразийской интеграции, республика демонстрирует желание выстраивать политические и экономические контакты с другими региональными и глобальными игроками.

Гражданская война и тяжелейший социально-экономический кризис подтолкнул руководство *Таджикистана* в 90-е г. увидеть опору для своего будущего развития в России, которая помогала обеспечивать национальную безопасность республики. Это предопределило пророссийский вектор внешней политики Душанбе и ориентацию на многосторонние форматы сотрудничества в рамках СНГ. Таджикистан только к началу XXI в. представил целостную и расширенную концептуальную основу своей внешней политики. В основу этой концепции вошли принципы политики «открытых дверей», определяющие ключевые направления и приоритеты современной внешней политики Таджикистана. По сути, Таджикистан решил взять пример со своих соседей по региону и начал проводить сбалансированную внешнюю политику, направленную на решение внутренних проблем за счет получения существенных выгод извне.

После распада СССР *Туркменистан* синтезировал в своей внешней политике два ключевых принципа – нейтралитет и многовекторность, что было обусловлено географическим положением страны и его углеводородным потенциалом. В первой концепции внешней политики Туркменистана, принятой в 1995 г., закреплялся нейтральный статус республики, который был призван стать основой для проведения активной внешней политики с региональными и глобальными акторами. Позиция нейтралитета Туркменистана явилась основополагающим принципом стратегии и тактики республики во внешней политике. На современном этапе в соответствии с Концепцией внешней политики на 2017-

2023 г. в качестве приоритетных направлений сотрудничества выделяется стратегическое партнерство с международными организациями и прежде всего с ООН. Одним из ключевых внешнеполитических приоритетов Туркменистана является выстраивание экономических и политических отношений с теми государствами, которые заинтересованы в экспорте туркменских углеводородов. Таким образом, в нейтральном статусе Туркменистана присутствуют элементы многосторонней дипломатии, позволяющие Ашхабаду умело маневрировать между ведущими державами и реализовывать свои национальные интересы.

Первые принципы, определяющие внешнюю политику суверенного *Узбекистана*, были зафиксированы в Конституции страны от 8 декабря 1992 г. Один из принципов - право Узбекистана на выход из тех межгосударственных союзов, которые противоречили национальным интересам страны. Это стало предпосылкой для отказа Узбекистана от участия в военно-политических блоках. По прошествии времени с учетом новой геополитической реальности и обострением застарелых региональных конфликтов руководство Узбекистана в 2012 г. приняло первую содержательную концепцию внешней политики. В ней акцент делался на развитии конструктивных отношений с соседними государствами и решении региональных конфликтов без вмешательства внешних сил. Узбекистан твердо встал на позиции «позитивного нейтралитета», провозгласив принцип недопущения размещения на своей территории иностранных военных объектов и неучастия в военных действиях за пределами страны. На современном этапе при президенте Ш. Мирзиёеве Узбекистан проводит более открытую внешнюю политику с опорой на выстраивание конструктивных отношений с соседними государствами. На волне начатой экономической модернизации руководством Узбекистана взят курс на проведение многовекторной внешней политики, направленной на решение внутренних целей и задач развития страны.

Таким образом, с момента обретения независимости принцип многовекторности стал определяющим во внешней политике центральноазиатских государств и продолжает играть значительную роль в процессе их взаимодействия с внешним миром. При этом в каждой из этих стран проводимая многовекторная внешняя политика отличается своей формой и спецификой. Объединяет эти государства одна общая черта – руководство внешней политикой осуществляет президент, определяющий основные внешнеполитические ориентиры. Внешнеполитические действия всех стран региона подчиняются одной общей для всех ключевой установке – проведению прагматичной внешней политики, сориентированной на реализацию национальных интересов. Между тем внешняя политика двух стран Центральной Азии отличается своими ограничениями: Узбекистан встал на позиции «позитивного нейтралитета», Туркменистан придерживается «вечного

нейтралитета». Однако опора на эти принципы несколько не мешает этим двум Центральноазиатским республикам наравне с другими странами региона проводить диверсифицированную внешнюю политику.

Во второй главе **«Интересы глобальных центров силы в Центральной Азии»** исследуются мотивы внешнеполитической активности США, Европейского Союза (ЕС) и Китая в регионе, а также механизмы проецирования их влияния на Центральноазиатские республики, включая многосторонние форматы сотрудничества.

В первом параграфе **«Центральная Азия во внешней политике США»** рассматривается эволюция американской политики в регионе, анализируются ее основные цели и задачи, а также механизмы реализации этой внешнеполитической деятельности.

Сразу после распада СССР США установили со всеми странами региона дипломатические отношения. С первых дней независимости Центральноазиатских республик с преимущественно мусульманским населением США продвигали в регионе турецкую модель общественно-политического развития. Вашингтон щедро поощрял страны региона в их стремлении строить свою национальную государственность на основе принципов демократии и рыночной экономики. Большая финансовая помощь со стороны США оказывалась Казахстану, руководство которого не только демонстрировало свою приверженность принципам развития демократии, но и отказалось от ядерного оружия.

Важным инструментом американского военно-политического влияния США в Центральной Азии стало НАТО. Все государства Центральной Азии, включая нейтральный Туркменистан, стали участниками Североатлантической программы «Партнерство ради мира».

Императивом внешней политики США в Центральной Азии являлся углеводородный интерес. Нефтегазовый потенциал некоторых стран Центральной Азии (Казахстан и Туркменистан) стимулировал американскую администрацию разработать ряд инфраструктурных проектов с целью получить контроль над ресурсами региона. США лоббировали проекты по созданию альтернативных маршрутов транспортировки углеводородов, разрушая тем самым энергетическую монополию России в регионе. Параллельно с трубопроводной дипломатией США продвигали политико-идеологическую повестку дня в странах региона. Под лозунгами продвижения демократии в странах Центральной Азии США стремились реализовать свои геополитические и геоэкономические цели.

После событий 11 сентября 2001 г. стало очевидно, что США собирались надолго закрепиться в регионе, тем самым бросая вызов региональным интересам России и Китая. В начале XXI в. среди государств Центральной Азии наиболее привлекательным партнером

для США стал Узбекистан, который стремился проводить независимую внешнюю политику и максимально дистанцироваться от России. Позиции США в регионе укрепили форпосты геополитического влияния в виде военных баз, открытых в Узбекистане и Киргизии. Несмотря на вопиющие нарушения прав человека в Центральноазиатских республиках, США рассматривали их как стратегических союзников в борьбе с терроризмом. Между тем именно в Узбекистане и Киргизии в начале XXI в. масштабную деятельность развернули западные НПО, выступавшие в поддержку оппозиционных движений и подрывавшие основы существующих политических режимов.

С 2005 г. влияние США в регионе стало заметно снижаться, что было обусловлено: во-первых, Андижанскими событиями и закрытием американской военной базы в Карши-Ханабаде, а во-вторых, растущим влиянием России и Китая в регионе. С целью оправдать необходимость присутствия США в Центральной Азии выдвигается концепция долгосрочного пребывания американцев в регионе (Большая Центральная Азия). В рамках концепции США намеревались привязать государства региона к нестабильному Афганистану, что в их понимании должно было способствовать региональной стабилизации и содействовать укреплению государственности всех субъектов указанного пространства. Минусом данной концепции являлось отсутствие общих цивилизационных ценностей между Афганистаном и государствами региона без учета интересов других важных региональных игроков – России и Китая. Несмотря на эти существенные упущения, концепция в дальнейшем легла в основу американской стратегии внешней политики в Центральной Азии.

Содействовать реализации американских интересов в Центральной Азии призван был и проект транспортной сети, связывающий Европу с Азией – Северная сеть поставок (ССП), открытый в 2009 г. В этом проекте странам Центральной Азии отводилась роль транзитной территории. США, стремясь усилить свои геополитические позиции, представляли данную транспортную систему как источник экономического роста стран региона.

Особое беспокойство у американской администрации вызывали реинтеграционные процессы в регионе с участием России, в которых Вашингтон усматривал угрозу своим геополитическим интересам. В противовес набирающей обороты евразийской интеграции США в 2011 г. выдвинули проект «Новый Шелковый путь», направленный на создание общего инфраструктурного и экономического пространства, включающего государства Центральной и Южной Азии. Посредством продвижения этого проекта в Центральной Азии американская администрация пыталась переориентировать внешнеэкономические связи стран региона на Индию и Пакистан. Однако политическая реальность демонстрировала

популярность и востребованность евразийской интеграции в государствах региона. На этом фоне США развернули широкую информационную пропаганду, с помощью которой пытались дискредитировать евразийскую интеграцию.

В условиях нарастающего геополитического и геоэкономического соперничества между глобальными акторами в Центральной Азии США разработали новую Стратегию (2019-2025) в отношении региона, направленную на усиление их геополитических позиций. В новой Стратегии Центральная Азия рассматривается как отдельный от Афганистана геополитический регион. Под воздействием региональных политических и экономических тенденций США скорректировали свою политику, сделав акцент не на вопросах демократизации стран региона, а на продвижении и сохранении суверенитета и экономического развития Центральноазиатских республик. В соответствии с новой Стратегией США планировали содействовать региональной интеграции, укрепляя единство республик путем устранения существующих межгосударственных разногласий через дипломатические инструменты. В этом случае ключевую роль в регионе должен сыграть многосторонний формат C5+1, инициированный США для ежегодных встреч с государствами Центральной Азии на уровне министров иностранных дел. Фактически формат C5+1 являлся очередным механизмом расширения американского влияния в регионе. Таким образом, новая Стратегия закрепляла долгосрочные интересы США в регионе без учета основных трендов в международных отношениях региона (евразийская интеграция и китайская модель межгосударственного сотрудничества). Такие контрпродуктивные подходы Вашингтона в Центральной Азии закладывают предпосылки для «игры с нулевой суммой», что может стать катализатором острых конфликтов в регионе.

Во втором параграфе **«Стратегия Европейского союза в Центральной Азии»** показана эволюция Центральноазиатского направления внешней политики ЕС, анализируется место региона в системе европейских внешнеполитических интересов, а также стратегические внешнеполитические документы Брюсселя в отношении региона.

С распадом СССР ЕС проявил внешнеполитическую заинтересованность Центральной Азией, стремясь развивать с новыми независимыми государствами политические и экономические контакты, а также интегрировать их в сотрудничество с европейскими институтами. Практически все государства региона встали на путь либерально-демократических преобразований, в связи с чем ЕС разработал специальную программу для содействия намеченным реформам (ТАСИС). Опасения по поводу возможного всплеска исламского фундаментализма в регионе побудили ЕС пролоббировать вопрос о полноправном членстве центральноазиатских стран в ОБСЕ.

С первых дней появления новых независимых государств в центре Евразии особую внешнеполитическую активность в этом направлении среди стран-членов ЕС проявляла Германия, которой принадлежала ключевая роль в определении содержания Центральноазиатской политики ЕС.

В 1990-х г. интерес ЕС к региону формировался вокруг развития и укрепления сотрудничества в таких сферах, как энергетика и транспорт. Растущий спрос на углеводороды побуждал ЕС диверсифицировать маршруты импорта энергоресурсов в обход России. Рассматривая Центральную Азию как новый источник энергоносителей, ЕС разработал для региона следующие механизмы сотрудничества – ТРАСЕКА и ИНОГЕЙТ.

В 90-е г. ЕС практиковал двусторонние форматы сотрудничества с государствами Центральной Азии, которые регулировались Соглашениями о партнерстве и сотрудничестве (СПС). Целью данной формы сотрудничества являлось расширение политических и экономических контактов со странами региона, включая сотрудничество в области культуры.

В начале XXI в. ЕС активизировал свою политику в Центральной Азии с акцентом на развитии взаимодействия со странами региона в таких сферах, как борьба с терроризмом, наркотрафиком и организованной преступностью. В этот период появляются первые стратегические внешнеполитические документы (Стратегический документ 2002-2006 и индикативная программа для Центральной Азии 2002-2004 гг.), разработанные ЕС в отношении региона, содержащие цели, задачи региональной политики ЕС, а также приоритетные направления сотрудничества. Однако первая комплексная стратегия ЕС, структурирующая интересы и цели Брюсселя в Центральной Азии, появилась в 2007 г. под воздействием усиливающегося регионального влияния России и Китая. Помимо сотрудничества в сфере безопасности, энергетике и демократического развития, ЕС планировал создать условия для региональной интеграции, результатом которой должно было стать появление сплоченного Центральноазиатского объединения, выступающего на международной арене в качестве самостоятельного субъекта.

Стратегическое планирование внешнеполитической деятельности ЕС на Центральноазиатском направлении позволило Брюсселю значительно укрепить свои позиции в Центральной Азии и наряду с США, Россией и Китаем стать в регионе значимым геополитическим игроком. При этом основным недостатком Стратегии стал ее всеобъемлющий и размытый характер, отсутствие конкретики на ключевых направлениях сотрудничества.

ЕС стремился закрепить за собой решающую роль в регионе посредством содействия республикам в решении трансграничных проблем. С этой целью политиками ЕС были

разработаны специальные программы в сфере эффективного управления границами и водными ресурсами.

Финансовая помощь и инвестиции являлись одним из главных инструментов расширения влияния ЕС в странах Центральной Азии. По мере усиления геополитического соперничества в регионе ЕС стремился увеличить финансовую помощь республикам, параллельно акцентируя внимание на необходимости следования принципам демократии и соблюдения прав человека.

Интегрировав Украину в 2014 г. в сферу своего влияния, ЕС стал действовать в Центральной Азии еще более активно, используя различные механизмы ограничения геополитического и геоэкономического влияния России в регионе. На качественный уровень было выведено торгово-экономическое сотрудничество между ЕС и странами Центральной Азии. Подписанные еще в 90-е г. двусторонние Соглашения о партнерстве и сотрудничестве (СПС) было решено преобразовать в новую форму - Соглашения о расширенном партнёрстве и сотрудничестве (СРПС). Казахстан и Киргизия первыми из стран Центральной Азии заключил с ЕС данное соглашение. В стадии переговоров находятся вопросы подписания СРПС с Узбекистаном, Таджикистаном и Туркменистаном.

Во внешней политике ЕС в Центральной Азии особое место занимают вопросы инфраструктурного сотрудничества, в рамках которых ЕС лоббирует реализацию транспортных и энергетических проектов. Усилия по переформатированию евразийского пространства, предпринимаемые Россией и Китаем посредством продвижения своих экономических проектов, стимулировали ЕС на принятие Стратегии евроазиатского соединения, не исключающего развитие партнерских отношений с Китаем и Россией.

На фоне повышенной активности России и Китая в Центральной Азии ЕС была разработана новая Стратегия в отношении региона (ЕС и Центральная Азия: новые возможности для укрепления партнерства), принятая в 2019 г., где содержатся приоритетные направления сотрудничества ЕС со странами региона. По своим целям и задачам новая Стратегия мало чем отличается от предыдущего документа, однако характеризуется своей прагматичностью и меньшей степенью идеологизированности. Фокус интересов ЕС по-прежнему сосредоточен на развитии и укреплении сотрудничества в области безопасности, торговли, энергетики и демократических практик. Принципиально новым моментом в Стратегии является курс на формирование со странами региона прочного, современного и непривилегированного партнерства. Такая установка демонстрирует дальновидность Брюсселя в вопросах выстраивания отношений со странами региона, желающими развивать сотрудничество в рамках других двусторонних и многосторонних форматах. Однако существующая напряженность в отношениях между ЕС

и Россией будет тормозить развитие позитивного сценария, согласно которому эти два центра силы могли бы успешно координировать свою политику в Центральной Азии.

Новая Стратегия продемонстрировала повышенный и долгосрочный интерес ЕС к Центральной Азии. Брюссель и дальше будет стремиться укреплять свои позиции в регионе с опорой на двусторонние и многосторонние форматы сотрудничества. В последние годы пристальное внимание ЕС отводит министерским встречам в формате «ЕС-ЦА», используя этот механизм как дополнительную возможность для расширения своего регионального влияния.

Несмотря на сходство, которое прослеживается во внешнеполитических установках ЕС и США в Центральной Азии, Брюссель предпочитает действовать в Центральной Азии как более самостоятельный игрок, политически менее зависимый от Вашингтона.

В третьем параграфе **«Китайский фактор в Центрально-Азиатском регионе»** анализируется эволюция политики Китая в Центральной Азии, его стратегические внешнеполитические цели на этом направлении, а также механизмы, которые использует Пекин для расширения своего регионального влияния.

Фактор соседства стал основополагающим в выстраивании Китаем отношений со странами Центральной Азии. Рассматривая возникшую общественно-политическую нестабильность в регионе как вызов своей национальной безопасности, Китай в 90-е г. сфокусировался на вопросах укрепления сотрудничества с государствами региона в сфере безопасности. Особые опасения у Китая вызывали процессы возрождения ислама в странах региона, радикальные формы которого могли усилить сепаратизм в Синьцзяне.

На официальном уровне руководством Китая была провозглашена концептуальная основа китайской политики в странах Центральной Азии, отличающейся миролюбивой направленностью. Задача по созданию вокруг границ Китая «пояса безопасности» коррелировалась со стремлением сформировать «пояс добрососедства».

Богатый ресурсный потенциал вкупе с обширными рынками Центральной Азии стали привлекательными для Китая, стремившегося к развитию торгово-экономических связей со странами региона. Для придания импульса двустороннему сотрудничеству в сфере экономики Китай оказывал содействие странам региона в виде кредитов и инвестиций, направленных на развитие их национальной инфраструктуры. Однако пограничные споры между Китаем и странами Центральной Азии препятствовали выходу двусторонних отношений на новый уровень развития. На рубеже XX-XXI гг. удалось урегулировать все территориальные противоречия между Китаем, с одной стороны, и Казахстаном, Киргизией и Таджикистаном - с другой. Это стало отправной точкой в деле по созданию нового «шанхайского» формата многостороннего сотрудничества в регионе.

Углеводородный интерес обуславливал повышенный уровень активности Китая в Центральной Азии. Посредством продвижения своих энергетических проектов Китай постепенно становился важным геополитическим и геоэкономическим фактором в регионе. Несмотря на то, что активная энергетическая политика Китая разрушала монополию России на импорт центральноазиатских углеводородов, Пекин стремился гармонизировать свои отношения с Москвой в вопросах региональной безопасности.

Усиливалось влияние Китая по линии ШОС, в рамках которой Пекин продвигал выгодную ему экономическую повестку дня. В контексте стратегии наращивания своего экономического присутствия в Центральной Азии Китай предложил создать финансовый институт. Однако эта инициатива не получила поддержки со стороны России, которая не была заинтересована в расширении регионального влияния Китая.

Стратегическим вызовом для интересов Китая в Центральной Азии стали евразийская интеграция и американский проект «Новый Шелковый путь». В ответ на этот вызов в 2013 г. Китай выдвинул инициативу «Один пояс – один путь» (ОПОП), направленную на наращивание сотрудничества со странами региона в торгово-экономической, инвестиционной и транспортно-инфраструктурной областях. Среди преимуществ китайского проекта для стран Центральной Азии можно было выделить следующие: отсутствие обязательств между участниками проекта, возможность модернизировать экономику, наладить взаимовыгодное сотрудничество. Проект ОПОП позволил Китаю расширить и углубить сотрудничество со странами региона в сфере инфраструктуры и инвестиций. Постепенно сложилась такая ситуация, при которой значительно увеличились масштабы китайского влияния в регионе. В перспективе нарастающее экономическое влияние Китая в Центральной Азии позволит руководству Поднебесной усилить свою региональную политическую роль. Однако Китай демонстрирует заинтересованность в развитии конструктивного сотрудничества с Россией как в сфере экономического взаимодействия по линии сопряжения ЭПШП с ЕАЭС, так и в области поддержания региональной стабильности и безопасности. По отношению к Китаю страны Центральной Азии находятся в уязвимом положении. В то же время Китай выступает для стран региона крупным кредитором и инвестором.

До недавнего времени Китай отдавал предпочтение двусторонним форматам сотрудничества со странами региона. Однако в условиях нарастающей геополитической конкуренции и обострения отношений с США Пекин стал демонстрировать интерес к участию во встречах на многосторонней основе. Новый формат «ЦА-Китай», включающий ежегодную встречу министров иностранных дел, стал для Китая новым механизмом укрепления региональных позиций наряду с экономическими рычагами влияния.

Растущее экономическое влияние Китая в Центральной Азии закладывает фундамент для устойчивого страха в обществах государств региона перед «китайской экспансией». Чрезмерная активность Китая вызывает все большее недовольство граждан в Казахстане и Киргизии, что становится поводом для проведения антикитайских митингов. Между тем население в Таджикистане положительно относится к Китаю, рассматривая Поднебесную как второе после России дружественное государство. На фоне обострения торгово-экономических противоречий между США и Китаем и усиления геополитического соперничества в регионе миф о «китайской угрозе» все стремительнее распространяется в социальных сетях. При этом официальные лица Центральноазиатских государств видят в китайской финансово-экономической активности в регионе возможность для решения своих насущных социально-экономических проблем и демонстрируют готовность к укреплению двустороннего сотрудничества.

В третьей главе **«Внешиполитические приоритеты внерегиональных акторов в Центральной Азии»** рассмотрена степень присутствия Турции, Ирана и Японии в Центральной Азии с акцентом на механизмах их геополитической и геэкономической деятельности.

Первый параграф **«Центральноазиатский вектор внешней политики Турции»** посвящен анализу внешней политики Анкары на Центральноазиатском направлении, механизмам ее реализации и интеграционным усилиям, направленным на повышение своей роли в Центральной Азии.

Наряду с ведущими глобальными игроками в Центральной Азии широко представлены интересы других внерегиональных государств, среди которых ключевую роль играет Турция в силу ее цивилизационной, языковой и религиозной схожести с государствами Центральной Азии. С первых дней независимости стран региона Турция, поддерживаемая США, позиционировала свою модель общественно-политического развития как наиболее эффективную для будущего развития центральноазиатских национальных государств.

Турция самой первой признала независимость центральноазиатских республик в надежде стать для них в перспективе объединяющим центром на основе общих тюркских ценностей. Новая геополитическая реальность в центре Евразии обусловила оживление неоимперских концептов (неопантюркизма и неоосманизма), направленных на утверждение особой роли Турции в «тюркском мире». В 90-е г. руководство Турции ярко демонстрировало это намерение в своей политической риторике, адресованной странам Центральной Азии. Турция стремилась к институционализации отношений со странами

региона, надеясь таким образом приобрести эффективный механизм укрепления своего регионального влияния.

Используя политические, экономические и культурные инструменты, Турция стала активно вовлекать государства региона в орбиту своего влияния. Посредством кредитов и инвестиций Турция стремилась расширить свою роль в развитии стран региона. В 90-е г. чрезмерная навязчивость Турции в качестве «старшего брата» вызвала настороженность у правящей элиты государств региона. В самой Турции тоже начался пересмотр места и роли региона во внешней политике с учетом отсутствия необходимого ресурсного потенциала и допущенных ошибок.

В конце XX - начале XXI вв. Турция подвергла корректировке свой внешнеполитический курс на Центральноазиатском внешнеполитическом направлении и перешла от идеологических устремлений к проведению более прагматичной внешней политики. Активно укреплять политические и экономические контакты со странами региона начала Партия Справедливости и развития, пришедшая к власти в Турции в 2002 г. В рамках стратегии, направленной на закрепление статуса ключевого энергетического хаба между Европой и Азией, Турция активизировала свою региональную энергетическую дипломатию, пытаясь привлечь богатые сырьем республики региона к участию в углеводородных проектах.

Все отчетливее прослеживалось желание Турции укрепить сотрудничество со странами региона на основе идеологических ценностей. Под призывами необходимости экономической кооперации скрывалось стремление Турции доминировать в Центральной Азии. На основе общих тюркских ценностей в 2009 г. был создан Совет сотрудничества тюркоязычных государств (ССТГ), который завершил процесс институционализации отношений между Турцией и странами Центральной Азии. Помимо продвижения многостороннего формата взаимодействия Турция параллельно стремилась интенсифицировать сотрудничество со странами региона в рамках двусторонних связей.

Военный путч в Турции в 2016 г. и укрепление власти Р.Т. Эрдогана отразились на отношениях Турции со странами региона и стали испытанием на их прочность. Не все государства поспешили откликнуться на требование Турции закрыть учебные заведения в республиках, связанные с движением «Хизмет» и его лидером Ф. Гюленом. Киргизия четко дала понять руководству Турции о своих намерениях самостоятельно принимать решения по этому вопросу. Это в очередной раз развеяло надежды Турции добиться от стран региона тюркской солидарности по значимым для нее вопросам.

На фоне усиления геополитического соперничества в Центральной Азии Турция все больший акцент делает на укреплении интеграционных механизмов сотрудничества.

Присоединение Узбекистана в качестве полноправного члена к ССТГ позволило усилить субъектность организации и повысить ее региональный авторитет.

Стратегическим союзником Турции в регионе является Казахстан, через который Турция стремится быть ближе к странам Центральной Азии. Особый характер турецко-казахстанских отношений продемонстрировал первый президент Казахстана Н. Назарбаев, выступивший в статусе примирителя во время кризиса в российско-турецких отношениях в 2015 г.

В своей центральноазиатской политике Турция делает ставку на исламский фактор, с помощью которого Анкара надеется укрепить свое региональное политическое и идеологическое влияние. Турецкий фонд «Дианет» финансирует постройку мечетей в странах региона и выделяет гранты на развитие религиозного образования.

В настоящее время Турция активизировала свой внешнеполитический курс в странах Центральной Азии. Участие Турции в армяно-азербайджанском конфликте в 2020 г. продемонстрировало намерение турецкого руководства закрепиться в качестве доминирующей державы на Южном Кавказе с последующей экспансией в страны Центральной Азии.

Однако влияние Турции в Центральной Азии во многом уступает влиянию других более сильных центров силы, имеющих солидные финансово-экономические и военно-политические ресурсы. Тем не менее Турция и дальше будет стремиться наращивать свое присутствие в регионе и позиционировать себя как более привлекательного партнера для государств Центральной Азии, ненавязчиво продвигая идеологическую повестку и создавая благоприятные условия для реализации своих геополитических интересов.

Во втором параграфе **«Иранский фактор во внешней политике государств Центральной Азии»** рассматриваются политические и экономические аспекты сотрудничества Ирана со странами Центральной Азии в контексте общей региональной геополитической динамики.

С первых дней появления в центре Евразии новых независимых государств Иран стремился проводить активную внешнюю политику на этом направлении. Не считая Центральноазиатский регион своим приоритетным внешнеполитическим вектором, Иран все же предпринимал попытки расположить к себе мусульманские республики. На первых порах руководство Ирана планировало экспортировать в страны Центральной Азии идеи исламской революции. Однако в дальнейшем все больше стало отходить от идеологических установок в своей региональной политике, отдавая приоритет прагматичному сотрудничеству с республиками.

В 90-е г. за действиями Ирана в Центральной Азии пристально следили США, опасаясь усиления его региональных стратегических позиций. С целью не допустить расширения геополитического влияния Ирана американская администрация, с одной стороны, пыталась отговорить политических лидеров новых независимых государств от сотрудничества с Ираном, с другой - развернула широкую антииранскую пропаганду в Центральной Азии.

Принимая во внимание ограниченный характер транспортно-коммуникационных возможностей стран Центральной Азии, Иран позиционировал себя в качестве выгодного для сотрудничества государства, обладающего потенциалом открыть странам региона доступ к мировым рынкам. Объектом особого внимания Ирана стали углеводородные ресурсы новых независимых государств. Стремление стран Центральной Азии к диверсификации своих углеводородных маршрутов совпало с желанием Ирана подключить Казахстан и Туркменистан к своим энергетическим проектам.

Особый акцент иранское руководство делало на сотрудничестве с Таджикистаном, с которым у Ирана имеются общие культурные и языковые корни. Несмотря на желание оказать идеологическое влияние на гражданскую войну в Таджикистане (1992-1997), Иран предпочел сыграть в таджикском кризисе роль миротворца и вместе с Россией взять на себя ответственность за нормализацию обстановки в этой стране.

В начале XXI в. на фоне трансформации баланса сил в Центральной Азии в связи с антитеррористической кампанией США в Афганистане Иран активизировал свою региональную политику. В двустороннем формате со странами региона Иран сделал ставку на сотрудничество в сфере экономики и энергетики. Военно-политическая активность США в Центральной Азии вызывала настороженность у иранских официальных властей и стимулировала их, во-первых, на развитие сотрудничества с республиками Центральной Азии в области региональной безопасности, во-вторых, на укрепление сотрудничества с государствами, имеющими с Ираном общие культурно-цивилизационные ценности (Таджикистан, Афганистан), вплоть до создания персоязычного альянса.

В условиях международных санкций Иран стремился к укреплению региональных связей, надеясь за счет активности в странах Центральной Азии восполнить недостаток внешнеполитических и внешнеэкономических контактов. Именно поэтому Иран проявил особый интерес к евразийскому экономическому проекту и китайской инициативе ОПОП, участие в которых позволило бы Ирану интенсифицировать политические и экономические контакты с региональными государствами.

Иран демонстрировал желание расширить и укрепить торгово-экономическое сотрудничество с государствами Центральной Азии в двустороннем формате. Однако

объемы торговли между Ираном и странами региона являлись достаточно скромными. Потенциал этого сотрудничества по-прежнему оставался не реализованным из-за американских санкций в отношении Ирана и неразвитой транспортно-коммуникационной инфраструктуры стран региона.

По степени политического и экономического влияния в Центральной Азии Иран уступает другим центрам силы, однако ищет возможности укрепить свои региональные позиции. Желание выстраивать дружественные отношения со странами региона побудили Иран сместить акценты в своей региональной политике с идеологических установок на прагматичную повестку дня. Однако одним из серьезных факторов, препятствующих успешному продвижению геополитических и геоэкономических интересов Ирана в Центральной Азии, являются его натянутые отношения со странами Запада, в первую очередь, с США. В то же время Иран, так же как Россия и Китай, имеет общие стратегические цели в Центральной Азии: не допустить уход стран региона в сферу влияния стран Запада, стимулировать их устойчивое экономическое развитие и поддерживать региональную стабильность и безопасность.

Третий параграф **«Стратегические интересы Японии в Центрально-Азиатском регионе»** содержит анализ влияния «фактора Японии» на геополитические и геоэкономические дрейфы в Центральной Азии. С одной стороны, Японию, которая является стратегическим партнером США, можно рассматривать в качестве проводника американских интересов в регионе; с другой стороны, Токио имеет собственные стратегические интересы в Центральной Азии.

Несмотря на то, что с географической точки зрения Центральная Азия отдалена от Японии, тем не менее в силу своего геополитического положения и внушительного ресурсного потенциала занимает особое место во внешней политике Токио. В 90-е г. Япония оказывала щедрую финансовую поддержку странам Центральной Азии с целью укрепить свой авторитет в мире и в регионе. В своей центральноазиатской политике Япония отдавала предпочтение развитию экономического и политического сотрудничества с такими государствами, как Казахстан и Узбекистан, богатых углеводородными ресурсами.

В 90-е г. руководство Японии концептуализировало свою политику в странах Центральной Азии, выдвинув внешнеполитическую идею «евразийской дипломатии», в рамках которой намеревалось интенсифицировать сотрудничество со странами региона в сфере экономики, безопасности и развития демократии.

В системе интересов Японии в Центральной Азии особое место занимали геополитические установки, направленные на недопущение изменения баланса сил в регионе в пользу России или Китая.

Помимо развития сотрудничества в рамках двустороннего формата Япония проявила интерес к укреплению и расширению отношений со странами Центральной Азии на коллективной основе. В итоге появился новый многосторонний формат Диалог «ЦА-Япония» (ДЦАЯ), целью которого провозглашалось углубление межгосударственного сотрудничества. Вместе с кредитами и инвестициями формат ДЦАЯ стал одним из главных механизмов укрепления влияния Японии в странах Центральной Азии.

Япония очень аккуратно и ненавязчиво подходила к вопросу демократизации стран Центральной Азии. Такой подход импонировал политическим лидерам стран региона с авторитарными режимами и делал Токио привлекательным внешнеполитическим партнером для них. Более того, политическая элита центральноазиатских республик тянулась к сотрудничеству с Японией, не рассматривая ее действия, в отличие от действий Китая и России, как угрозу национальному суверенитету.

В условиях формирования полицентричной модели мироустройства Япония демонстрирует повышенный уровень активности в Центральной Азии. Действия Японии в регионе направлены на создание противовеса расширяющемуся региональному присутствию Китая и России. Япония демонстрирует желание развивать в регионе крупные экономические и инфраструктурные проекты, а также проявляет интерес к сотрудничеству в области обеспечения региональной стабильности и безопасности.

Четвертая глава **«Политика «мягкой силы» внерегиональных игроков в государствах Центрально-Азиатского региона»** посвящена исследованию «мягких» механизмов влияния США, ЕС, Китая, России, Турции, Ирана, Японии, направленных на реализацию своих региональных внешнеполитических амбиций.

В первом параграфе **«Мягкая сила» США, ЕС и Китая в Центральной Азии»** рассматривается совокупность инструментов «мягкой силы» вышеупомянутых внерегиональных государств как действенных механизмов реализации их стратегических интересов, направленных на формирование своего благоприятного образа. Несмотря на то, что фактор силы является основным в мировой политике, «мягкие инструменты» воздействия все больше влияют на позитивное восприятие и степень авторитетности тех или иных государств на мировой арене.

В борьбе за геополитическое влияние в Центральной Азии все большее значение приобретают инструменты «мягкой силы» (культурная дипломатия, образовательные проекты, предоставление кредитов и грантов). Очень активно ресурсы «мягкой силы» ведущих акторов мировой политики действуют в таких сегментах государств Центральной Азии, как образование и культура. Особое значение придается активной работе по линии

неправительственных организаций, занимающих важное место в реализации интересов глобальных акторов в регионе.

В 90-е г. США реализовывали свои внешнеполитические цели и задачи в Центральной Азии посредством щедрой экономической помощи по линии Агентства США по международному развитию (USAID), направленной на продвижение принципов либеральной демократии в странах региона. Для популяризации своих ценностей в Центральной Азии (принципы демократии, права человека, свобода слова и т.д.) США активно использовали широкий инструментарий «мягкой силы», среди которых можно выделить образовательные структуры, широкую сеть неправительственных организаций, программы по обмену для школьников, студентов и преподавателей. США вели свою культурно-пропагандистскую деятельность через социальные сети, где целевой аудиторией преимущественно выступала молодежь.

В арсенал ресурсов «мягкой силы» ЕС в странах региона входили различные проекты в экономической, культурной и образовательной областях. Через программу сотрудничества и помощи ТАСИС ЕС реализовывал свои внешнеполитические интересы в странах Центральной Азии. Интенсивностью отличалось научно-образовательное сотрудничество ЕС с государствами региона. ЕС продвигал в Центральной Азии такие образовательные программы, как «Темпус», «Эразмус Мундус», «Эразмус Плюс». Широкое распространение в странах региона получили образовательные инструменты «мягкой силы» Германии, среди которых важное место занимала немецкая программа академического обмена DAAD, центры немецкого языка и некоммерческие организации.

Для повышения своей привлекательности Китай широко использует в государствах Центральной Азии инструменты культурной дипломатии. Популярность среди населения государств региона получает китайская культурная продукция: фильмы, книги, газеты и т.д. В распространении китайской культуры и китайского языка большую роль играет Институт Конфуция, филиалы которого открыты на базе ведущих вузов государств Центральной Азии. Китай стремится позиционировать себя в регионе как миролюбивое государство, приверженное таким ценностям как стремление к мирному сосуществованию и совместному гармоничному развитию. Но на пути продвижения «мягкой силы» Китая в странах Центральной Азии возникают сложности в виде антикитайских общественных протестов, подогреваемых западными НПО.

Второй параграф **«Мягкая сила» Турции, Ирана и Японии в Центральной Азии»** посвящён механизмам продвижения «мягкого влияния» Турции, Ирана и Японии в странах Центральной Азии, направленным на расширение регионального влияния вышеуказанных государств.

В 90-е г. Турция, опираясь на этническое, культурное и языковое родство с народами Центральной Азии, активно формировала широкий инструментарий своего мягкого регионального влияния. Среди главных внешнеполитических инструментов влияния стала финансовая помощь, которую Турция оказывала и продолжает оказывать странам региона. Интересы Турции в регионе призваны были реализовывать тюркские организации с общей для тюркского мира, включая страны Центральной Азии, идеологической повесткой дня. По инициативе Турции страны Центральной Азии стали участниками таких организаций, как ТИКА, ТЮРКСОЙ, ТюркПа. Заметна была активность Турции в сфере национального образования стран Центральной Азии, где реализовывался проект по созданию сети турецких образовательных учреждений.

Одним из значимых механизмов турецкого «мягкого влияния» в странах Центральной Азии с преимущественно мусульманским населением стал исламский фактор. По линии турецкого государственного Управления по делам религий Турция финансирует строительство мечетей и реализует ряд религиозно-образовательных проектов в странах региона.

Недостаток своего политического влияния в странах Центральной Азии Иран пытается восполнить посредством проведения активной культурной дипломатии. Еще в 90-е г. руководство Ирана в своей центральноазиатской внешней политике акцентировало внимание на общем историко-культурном наследии, которое объединяет Иран и страны региона. В арсенал инструментов «мягкой силы» Ирана в регионе входят механизмы популяризации персидского языка и иранской литературы. В этой деятельности большую роль играют Культурные представительства, открытые при посольствах Ирана в странах Центральной Азии, при посредничестве которых организуются и финансируются культурно-образовательные мероприятия. Несмотря на имеющуюся тесную культурно-цивилизационную связь с Таджикистаном, Иран не упускает возможности распространить свое культурно-идеологическое влияние на другие тюркские республики региона. Опора на механизмы культурной дипломатии будет и дальше рассматриваться руководством Ирана как один из эффективных способов расширения и укрепления своего регионального геополитического влияния.

В рамках общей концепции по распространению в мире своей «мягкой силы» Япония активно стремится к популяризации культурных ценностей в странах Центральной Азии. В 90-е г. среди политической элиты этих стран сложился образ Японии как государства с привлекательной экономической моделью развития. Посредством распространения японского языка и японской культуры укреплялся положительный образ этого государства. В рамках многостороннего формата сотрудничества с государствами региона Токио

большое значение придавал гуманитарной сфере. Помимо реализации культурных и образовательных программ Япония финансирует в регионе ряд социальных проектов.

В третьем параграфе **«Мягкая сила» России в странах Центральной Азии** рассмотрены инструменты российского мягкого влияния, проецируемого на страны региона. Среди таких инструментов особое место отводится гуманитарным и информационным рычагам.

Россия, имеющая со странами региона общее историческое и культурное наследие, также пытается посредством инструментов «мягкой силы» сформировать образ привлекательного для сотрудничества государства в Центральной Азии. Особенно это становится актуальным на фоне смены поколений. Мироззрение новых представителей политической элиты национальных государств складывается уже под влиянием других ценностей, что отражается на системе внешнеполитических приоритетов стран региона.

Благодаря деятельности таких неправительственных структур, как Фонд Горчакова и «Русский мир» Россия расширяет свое культурно-гуманитарное присутствие в регионе. Укрепляется авторитет России среди населения центральноазиатских республик в сфере образования. По линии Россотрудничества ежегодно выделяются квоты для студентов из стран Центральной Азии на обучение в российских вузах, а также организуются научные и культурные мероприятия. Большую популярность среди населения стран Центральной Азии получили общеобразовательные школы (школа им. А.С. Пушкина в Туркменистане, школа им. Чехова и школа «Газпром Киргизстана»). В последнее время заметен интерес молодежи стран Центральной Азии к участию в российских проектах по линии Межпарламентской Ассамблеи (МПА) СНГ и евразийской интеграции.

За годы независимости стран Центральной Азии Россия прочно укрепилась в их национальном информационном пространстве, продвигая свой культурно-ценностный контент. Однако что касается русского языка, то пространство его использования в странах региона постепенно сужается.

Стратегия внешнеполитического балансирования, которой придерживаются страны Центральной Азии, создала условия для серьезной конкуренции мягких инструментов влияния, используемых внерегиональными акторами для расширения и укрепления их геополитического влияния. Эта тенденция будет и дальше набирать обороты, демонстрируя более эффективные результаты по сравнению с военными средствами достижения регионального лидерства.

В пятой главе **«Центральноазиатское измерение внешней политики России»** исследуется внешнеполитический курс России в Центральной Азии, анализируется

современное состояние евразийской интеграции и формулируются перспективы политики России в регионе.

Первый параграф **«Эволюция и приоритеты внешней политики России в Центральной Азии»** посвящен истории формирования отношений между Россией и государствами региона, начиная с момента распада СССР и до настоящего времени. Определяются стратегические интересы России в Центральной Азии.

После распада СССР внешняя политика России в Центральной Азии развивалась по инерции и носила преимущественно ситуативный характер. В то же время в концептуальных документах внешней политики России была зафиксирована приоритетность сотрудничества со странами СНГ, куда вошли и новые независимые государства Центральной Азии. Несмотря на это, произошел разрыв практически всех экономических связей, государства региона были исключены из рублевой зоны, что отрицательно отразилось как на экономике России, так и на национальных экономиках Центральной Азии. Проблемы, с которыми столкнулись страны Центральной Азии в своем суверенном развитии, предопределили появление интеграционных инициатив, направленных на формирование новых евразийских форм межгосударственного сотрудничества. Инициатором сближения России и стран Центральной Азии на основе экономической целесообразности выступил президент Казахстана Н. Назарбаев.

Начало переосмысления политики России в СНГ, включая Центральноазиатское направление, связано с приходом в российское внешнеполитическое ведомство опытного дипломата Е. Примакова. С этого момента Россия стала проводить более активную политику в регионе, укрепляя и расширяя сотрудничество со странами в таких сферах как экономика, политика и безопасность. Однако у России к концу XX в. так и не определилась четкая стратегия действий на центральноазиатском направлении внешней политики.

К началу XXI в. в условиях геополитической активности США и Китая в Центральной Азии участие России в региональных политических процессах возросло. Россия включилась в конкурентную борьбу за влияние в Центральной Азии. При этом наблюдалось укрепление сотрудничества России с государствами региона в сфере экономики и безопасности.

Рост регионального влияния России создал предпосылки для появления беспокойства у политических элит стран региона, испытывавших страх перед возможностью ограничения их суверенитета. Однако на официальном уровне руководство России не раз заявляло об отсутствии намерений вмешиваться во внутренние дела республик.

Последовательно и динамично развивалась евразийская интеграция, начиная с момента функционирования Таможенного Союза (2010 г.), объединяющего Россию, Беларусь и Казахстан. На этом этапе можно было говорить о закреплении Центральной Азии в качестве приоритетного региона во внешней политике России. Активная политика России в Центральной Азии вызвала негативную реакцию со стороны стран Запада. Присоединение Крыма к России в 2014 г. предоставило политикам, дипломатам и ученым стран Запада шанс для раскручивания мифа о «российской угрозе» в отношении стран Центральной Азии. Однако руководствуясь принципами экономического прагматизма, сначала Казахстан, а позже и Киргизия стали полноценными членами Евразийского экономического союза (ЕАЭС), образованного в 2014 г. Интерес к евразийской интеграции демонстрировали и другие страны региона. В декабре 2020 г. Узбекистан присоединился к ЕАЭС на правах наблюдателя, что было связано с желанием руководства республики получить доступ к евразийскому торговому рынку в условиях начатой в стране экономической модернизации. Несмотря на то, что вступление в ЕАЭС могло открыть для таджикской экономики большие преимущества, власти республики до сих пор оттягивают принятие данного решения, боясь ограничения своего национального суверенитета.

Вопреки критике в адрес евразийской интеграции союз постепенно становится значимым фактором мировой экономики и политики, позволяющим его участникам укрепить свой политический вес на международной арене. ЕАЭС может стать не только средством решения внутренних экономических проблем стран Центральной Азии, но и фундаментом для укрепления экономического и политического сотрудничества между Россией и странами региона.

На современном этапе Россия заинтересована, во-первых, в устойчивом развитии стран региона с целью поддерживать стратегическую стабильность возле своих южных границ; во-вторых, избежать сценария, при котором страны региона под воздействием третьих сил начнут проводить враждебную и недружественную по отношению к России политику.

В условиях разворачивающейся геополитической конкуренции в Центральной Азии Россия стала активно продвигать в регионе новый многосторонний формат сотрудничества, в рамках которого предполагается ежегодная встреча министров иностранных дел России и стран Центральной Азии. Данный формат позволит России, во-первых, расширить ее региональное влияние, а во-вторых, укрепить сотрудничество со всеми странами региона, особенно с теми, кто не входит в евразийские интеграционные объединения с участием России.

Во втором параграфе «**Перспективы взаимодействия России с государствами Центральной Азии**» исследуются направления сотрудничества России с пятью государствами региона. Акцентируется внимание на факторах, тормозящих использование всего имеющегося потенциала для расширения отношений между Россией и государствами Центральной Азии. Анализируются перспективы дальнейшего развития двустороннего сотрудничества.

Отношения между Россией и Казахстаном развиваются поступательно. За годы независимости между двумя государствами создана солидная договорно-правовая база. Межгосударственное сотрудничество укрепляется благодаря регулярным встречам на высшем и высоком уровнях. Казахстан является участником всех евразийских интеграционных структур с участием России. Оба государства проявляют взаимный интерес к сотрудничеству в сфере экономики и безопасности. При этом следует отметить негативные факторы в отношениях двух стран: рост националистических сил в Казахстане и их антироссийская риторика, несовпадение позиций по оценке некоторых исторических событий во времена вхождения Казахстана в состав России, сокращение использования русского языка в языковом пространстве республики. Несмотря на все имеющиеся противоречия, Россия и Казахстан будут продолжать укреплять отношения и демонстрировать их союзнический характер.

Узбекистан для России является стратегическим партнером, с которым развиваются отношения в различных сферах: в экономике, политике, безопасности. С первых дней обретения независимости Узбекистан очень настороженно подходил к вопросам интеграции с лидирующей ролью России. Непоследовательный характер внешней политики Узбекистана проявлялся во внешнеполитическом колебании между двумя глобальными центрами силы – Россией и США. Интенсификация двустороннего взаимодействия наметилась в последние несколько лет, когда Россия и Узбекистан договорились наращивать сотрудничество в военной и экономической сферах. Так же как и в других странах Центральной Азии, в Узбекистане идет процесс сокращения пространства использования русского языка. Общая история с Россией в царский и советский периоды используется политической элитой Узбекистана как инструмент конструирования своей национальной идентичности. Между тем оба государства проявляют интерес к формированию положительной динамики в сотрудничестве в таких сферах, как экономика и безопасность.

В 90-е г. Россия стала для Таджикистана важным фактором его стабильности и гарантом безопасности. На территории республики дислоцирована российская военная база. Между двумя странами был подписан договор о союзничестве (1999 г.). Российско-

таджикские отношения развиваются в политической, экономической и военно-технической областях. Однако потенциал инвестиционного сотрудничества между двумя странами остается нереализованным. По размерам стратегических инвестиций в Таджикистан Россия значительно отстает от Китая. Одним из приоритетных направлений двустороннего взаимодействия является миграция. Денежные переводы мигрантов, работающих в России, имеют для экономики Таджикистана существенное значение, так как формируют почти 40% ВВП. Сотрудничество между двумя государствами развивается в двустороннем и многостороннем форматах. Таджикистан является членом СНГ, ОДКБ и в перспективе политическая элита республики рассматривает возможность присоединения к ЕАЭС.

Российско-туркменские отношения переживали взлеты и падения. В стадию кризиса двусторонние отношения вступили в 2016 г., когда Россия и Туркменистан не смогли договориться о закупочной цене на газ. Однако уже в 2017 г. российско-туркменские отношения выходят на уровень стратегического партнерства, что было связано с желанием руководства республики уравновесить китайское влияние укреплением сотрудничества с Россией. Российско-туркменское сотрудничество преимущественно фокусируется в сфере экономики. Несмотря на то, что еще в начале 90-х г. русский язык был «выдавлен» из языкового пространства Туркменистана, в республике растет интерес к его изучению, что обусловлено желанием туркменского населения получить качественное образование. Перспективы двусторонних отношений во многом будут зависеть от степени интенсивности сотрудничества в сфере энергетики.

В третьем параграфе **«Привилегированные» отношения между Россией и Киргизией»** анализируется эволюция российско-киргизских связей, дается оценка их современному состоянию, а также отмечается особый характер двустороннего сотрудничества.

С 1991 г. двустороннее сотрудничество России и Киргизии отличалось взаимным притяжением и дружественным характером. Оба государства проявляли стремление к взаимодействию во всех сферах, начиная с политики и экономики до сотрудничества в сфере безопасности и гуманитарных вопросов. Киргизия являлась и продолжает оставаться активным участником всех евразийских интеграционных объединений с участием России, что удовлетворяет интересам обоих государств. После каждого государственного переворота в Киргизии Россия демонстрировала желание оказать республике гуманитарное содействие в восстановлении страны, подчеркивая особый характер двусторонних отношений. Сама Киргизия после очередной смены власти в республике сохраняла преемственность на российском треке в своей внешней политике и продолжала взаимодействовать с Россией в дружественной атмосфере. На протяжении тридцатилетнего

периода независимости Киргизии Россия оказывала республике незаменимую финансово-экономическую помощь. Между тем можно выделить факторы, которые негативно влияют на отношения России и Киргизии: пересмотр и переоценка некоторых страниц истории досоветского и советского периодов в угоду новой национальной политике, проводимой правящей элитой республики; сужение пространства использования русского языка; рост националистических тенденций; стремление геополитических конкурентов России подорвать ее влияние в республике. При этом несмотря на все негативные внешние и внутренние факторы оба государства заинтересованы в выстраивании равноправных и взаимовыгодных отношений.

В ближайшее время российско-киргизские отношения будут развиваться по нарастающей, о чем свидетельствует визит нового президента Киргизии С. Жапарова в Москву в феврале 2021 г. и подписание двусторонних стратегических документов в сфере экономики, информационной безопасности и военной области. Руководство республики осознает важность укрепления сотрудничества с Россией, которое приносит существенные экономические выгоды и является средством легитимации власти. При этом России необходимо сосредоточить усилия на расширении инвестиционного и гуманитарного сотрудничества с Киргизией и таким образом уравновесить экономическое влияние Китая, а также усилить механизмы публичной дипломатии. Можно выделить ряд индикаторов, в соответствии с которыми российско-киргизские отношения оцениваются как «привилегированные»: во-первых, после каждой смены власти во внешней политике Киргизии сохраняется курс на развитие дружественных отношений с Россией; во-вторых, в отличие от других государств региона в Киргизии русский язык по-прежнему имеет статус официального языка; в-третьих, в республике чтят общие с Россией исторические события, о чем свидетельствует организация ежегодных мероприятий, посвященных Дню Победы.

В заключении подводятся итоги исследования и формулируются выводы и рекомендации. В исследовании было акцентировано внимание на возрастающей роли Центральной Азии в современной мировой политике, а также на анализе региональных геополитических процессов, влияющих на траекторию развития стран региона.

На основе анализа российских и западных подходов к интерпретации понятия «Центральная Азия» выявлено отсутствие унифицированной трактовки данного термина. Пространство, которое сегодня отводится этому региону в политическом контексте, имеет более широкие географические контуры. Следовательно, искусственно сконструированное политическое понятие «Центральная Азия» после распада СССР не вбирает в себя всех тех особенностей, которые присущи данному политико-географическому пространству. В силу своих геополитических и геоэкономических особенностей понятие «Центральная Азия»

подвергается ревизии, особенно со стороны стран Запада, пытающихся сконструировать географические границы региона в соответствии со своими стратегическими интересами.

В последние годы на фоне кардинального переустройства всей системы международных отношений усилилась геополитическое противоборство внерегиональных акторов в Центральной Азии. Становится очевидным, что расширение влияния в регионе сопровождается повышением глобального статуса для того или иного государства. Центральная Азия представляет собой геополитический феномен в мировой политике, в котором коррелируются вызовы и возможности. Параллельно со значимым географическим положением, богатыми природными ресурсами, расположением на пересечении мировых транспортно-коммуникационных путей это пространство имеет конфликтогенный потенциал в виде локальных и региональных проблем. Та держава, которая будет господствовать в этой части мира, получит не только широкие преимущества, но и вынуждена будет выработать стратегию противодействия локальным и региональным вызовам и угрозам.

С учетом выгодного географического положения и в то же время в условиях стратегической уязвимости государства Центральной Азии, начиная с 90-х г. и по настоящее время, проводят активную внешнюю политику, которая концептуально опирается на принципы многовекторности. Курс, взятый странами Центральной Азии на проведение сбалансированной внешней политики и укрепление связей с глобальными и региональными державами, был обусловлен желанием укрепить свой новый независимый статус в мире. В 90-е г. невнимание и бездействие со стороны Москвы изменило характер отношений между Россией и странами Центральной Азии: последние все больше стали тяготеть к сотрудничеству со странами Запада.

При этом политика многовекторности у каждого государства региона представлена в разных формах: в Казахстане – это умелое выстраивание баланса между мировыми центрами силы, в Кыргызстане – дипломатия Шелкового пути, в Таджикистане – политика открытых дверей, в Узбекистане – приверженность статусу внеблокового государства, в Туркменистане – вечный нейтралитет. Посредством проведения многовекторной внешней политики государства Центральной Азии реализуют три важные стратегические национальные задачи: 1) повышают свою значимость на мировой арене; 2) укрепляют независимость; 3) создают благоприятные условия для решения внутренних социально-экономических проблем. Однако по мере усиления геополитического соперничества некоторым странам региона становится все труднее поддерживать баланс между внешними игроками.

В исторической ретроспективе показано, что Центральная Азия является важным направлением внешней политики США. Вашингтон продолжает проявлять все большую заинтересованность в расширении здесь своего геополитического влияния. Внешняя политика США на этом стратегическом внешнеполитическом направлении коррелируется с их глобальной стратегией по укреплению своего мирового лидерства. На фоне снижения глобальной роли США и изменения геополитической и геоэкономической конфигурации в Центральной Азии, американская администрация скорректировала свою региональную внешнюю политику и сделала акцент на прагматичный подход, позиционируя себя привлекательным экономическим и инвестиционным партнером в противовес России и Китаю. Посредством различных инструментов США продолжают выдавливать Россию и Китай из Центральной Азии, пытаясь дискредитировать их политику.

Центральная Азия интересна ЕС в сфере развития сотрудничества в области энергетики, транспортных коммуникаций, образования и безопасности. Фокус интересов Брюсселя формируется вокруг углеводородного потенциала региона. Посредством продвижения своих энергетических проектов ЕС стремится перенаправить маршруты экспорта нефти и газа из стран региона с российского направления в Европу. В процессе реализации своих стратегических целей в Центральной Азии ЕС, в отличие от других геополитических соперников, уделяет особое внимание разработке долгосрочных региональных стратегий (Стратегия 2002, 2007-2013, 2019). Обостряющаяся борьба за сферы влияния в Центральной Азии стимулировала ЕС принять в 2019 г. новую Стратегию в отношении региона, что доказывает значимость этого направления в системе европейских внешнеполитических приоритетов. Отличительной особенностью новой Стратегии является ее прагматичный, а не идеологизированный характер, что дает основание полагать, что ЕС готов дистанцироваться от попыток навязывания странам Центральной Азии своих предпочтений во внешней политике. Региональная политика ЕС могла бы быть более результативной и успешной, если бы Брюссель согласился координировать свои региональные действия с Москвой.

В силу географической близости Китай является значимым фактором в Центральной Азии. Пекин стремится принимать самое активное участие в развитии стран региона. С момента обретения государствами региона независимости и по настоящее время Китаю удалось установить с центральноазиатскими республиками тесные политические, экономические и культурные связи, а также приобрести хороший инструмент продвижения своих интересов в виде ШОС. С одной стороны, Китай посредством колоссальных инвестиций все больше расширяет свое геоэкономическое влияние в регионе, которое в перспективе может быть преобразовано в политическое доминирование. С другой стороны,

государства региона не имеют возможности остановить усиление китайского фактора, что обуславливает необходимость выстраивать с восточным соседом такие отношения, которые будут иметь взаимовыгодный характер. В ближайшей перспективе такое взаимовыгодное сотрудничество будет осуществляться в рамках китайского мегапроекта «Один пояс-Один путь» (ОПОП). В силу своего транспортно-коммуникационного потенциала Центральная Азия является неотъемлемым элементом сухопутного варианта ОПОП – Экономического Пояса Шелкового пути. Таким образом, Центральноазиатский регион является для Китая одним из значимых внешнеэкономических и внешнеполитических приоритетов. Однако если на официальном уровне стран Центральной Азии демонстрируется желание более тесно сотрудничать с Китаем, то на уровне общественности активизируются антикитайские настроения, в основе которых лежит страх перед «китайской экспансией».

Цивилизационные, лингвистические и религиозные факторы содействуют расширению влияния Турции в Центральной Азии. В своей внешней политике на Центральноазиатском треке Турция опирается на такие стержневые концептуальные основы, как «неосманизм» и «неопантюркизм», что доказывает желание Анкары консолидировать тюркские республики региона под своей эгидой. Учитывая процессы реисламизации в регионе, Турция активно использует исламский фактор как основу укрепления своих региональных позиций. В рамках стратегии позиционирования себя ключевым хабом на пересечении углеводородных и транспортных маршрутов между Европой и Азией Турция будет продолжать проявлять значительный интерес к взаимодействию со странами региона в таких сферах, как энергетика и транспортные коммуникации. Желание Турции стать мировой державой будет сопровождаться ее активной экономической, культурно-гуманитарной и политической экспансией в Центральную Азию.

Свое влияние в Центральной Азии наращивает Иран. В 90-е г. у государств региона существовали опасения в отношении намерений Ирана экспортировать в регион «исламскую революцию». Все это «подогревалось» антииранской пропагандой, развернутой США. Однако с целью укрепить доверие к своему государству Иран стал демонстрировать прагматичный расчет в своей политике в Центральной Азии. Потенциальные сферы сотрудничества для Ирана в Центральной Азии – это экономика, культура и региональная безопасность. Руководство Ирана демонстрирует существенный интерес к участию в евразийских интеграционных проектах (ШОС, ЕАЭС), что обусловлено желанием стать более активным игроком в регионе. При этом именно Иран выступает инициатором расширения сфер сотрудничества с государствами региона. С учетом международной изоляции, в которой оказался Иран в результате западных санкций,

активность этого исламского государства в регионе будет только возрастать. В условиях кардинальной трансформации всей системы международных отношений Иран вместе с Россией и Китаем, имея общее видение контуров будущего мирового порядка, могут стать стабилизирующим фактором в регионе.

В Центральной Азии нарастает активность экономически мощного азиатского государства – Японии. Еще в 90-е г. Токио зарекомендовал себя в странах региона как значимый источник финансовой помощи. Для эффективного продвижения своих интересов японскими политиками была разработана специальная внешнеполитическая концепция для Центральной Азии – «евразийская дипломатия», направленная на развитие и укрепление всестороннего сотрудничества со странами Евразии. На фоне снижения темпов экономического развития Япония нуждается в углеводородах, которыми богаты государства Центральной Азии (Казахстан, Туркменистан). Это обуславливает повышенный интерес Токио к реализации трубопроводных проектов. Геоэкономическими и геополитическими конкурентами Японии в регионе являются Китай и Россия. В перспективе Япония будет и дальше пытаться расширить свое влияние в странах Центральной Азии посредством экономических и финансовых инструментов и создать противовес политике региональных центров силы.

В Центральной Азии наметилась тенденция, в соответствии с которой внерегиональные игроки все больше склоняются к использованию широкого инструментария «мягкой силы» во имя реализации своих геополитических интересов. Безусловно, во все времена военная мощь государств позволяла им одерживать победы в борьбе за пространства, однако в современном мире именно стратегия убеждения, а не принуждения является наиболее эффективным средством достижения геополитических целей. Используя ресурсы «мягкой силы», США, ЕС, Китай, Россия, Турция, Иран и Япония стремятся сформировать положительный образ своих государств не только среди политической элиты, но и среди народных масс стран Центральной Азии. Преимущества в использовании политики «мягкой силы» остаются у США, что подтверждает заимствование центральноазиатскими республиками политических, экономических и культурно-образовательных ценностей западного мира и их внедрение в общественные системы. Также в подготовке лояльно настроенной прослойки общества в странах Центральной Азии преуспела Турция. Прослеживается, что в процессе конкурентной борьбы за «умы и сердца» в государствах Центральной Азии вышеупомянутые центры силы уделяют пристальное внимание работе с молодежью.

Россия остается важным фактором в Центральной Азии и не столько в силу особого характера отношений со странами региона, опирающегося на общее культурное и

историческое наследие, сколько как государство, обладающее возможностью оказать содействие в развитии национальных экономик Центральноазиатских государств и в вопросах обеспечения региональной безопасности. Со всеми странами региона России удалось вывести двустороннее сотрудничество на уровень стратегического партнерства, о чем свидетельствует солидная нормативно-правовая база, которая постоянно расширяется и наполняется новым содержанием, и сложившиеся формы институционального взаимодействия. Как Россия, так и страны Центральной Азии заинтересованы в дальнейшем развитии и укреплении двусторонних отношений. Однако в двусторонних отношениях наблюдаются и кризисные тенденции. Во-первых, ревизия общих исторических событий, к которой склонна политическая элита Центральноазиатских республик в условиях становления своих национальных государств, генерирует разногласия между Россией и странами Центральной Азии. Во-вторых, рост националистических настроений в странах региона, которые активно поддерживаются геополитическими соперниками России.

На фоне вызовов глобализации в Евразии набирают обороты интеграционные процессы, участниками которых становятся государства Центральной Азии, нуждающиеся в эффективных механизмах обновления своей экономики. Однако по отношению к любым интеграционным проектам с участием России республики ведут себя очень осторожно, боясь столкнуться с риском ограничения национального суверенитета. Градус недоверия к России со стороны политических элит стран Центральной Азии повышается из-за антироссийской информационной пропаганды, которую ведут страны Запада.

Жизненно важные интересы России в регионе все активнее оспаривают ее геополитические конкуренты. На пути укрепления своего влияния в Центральной Азии Россия сталкивается с политико-идеологическим влиянием Запада, который посредством политических и экономических инструментов пытается выдавить своих соперников из региона. По степени влияния в регионе Россия уступает Китаю, который приобрел статус крупного экономического и инвестиционного партнера республик.

По-прежнему актуален вопрос о защите интересов русскоязычной диаспоры, проживающей в государствах региона, особенно на фоне набирающей обороты тенденции выдавливания русского языка из лингвистического пространства центральноазиатских государств. Вызовом для России и для духовных ценностей, которые объединяют ее с Центральной Азией, является исторический ревизионизм, используемый странами Запада как оружие в геополитической борьбе. В этом случае именно «мягкая сила» России может стать важнейшим фактором приостановки попыток переписывания истории.

Таким образом, можно дать следующие рекомендации для достижения эффективности во внешней политике России в Центральной Азии:

1. Политика России в Центральной Азии должна носить не ситуативный характер, а придерживаться четко выверенной и долгосрочной стратегии.
2. С учетом укрепившейся субъектности стран Центральной Азии России необходимо укреплять сотрудничество с республиками на принципах уважения национальных интересов, равноправия и взаимной выгоды. Это позволит повысить уровень доверия в процессе взаимодействия в двусторонних и многосторонних форматах сотрудничества.
3. Россия должна стать привлекательным экономическим и инвестиционным партнером для стран региона. Реализация этой цели будет во многом зависеть от успехов и достижений самой российской национальной экономики.
4. Одним из важных факторов проведения успешной внешней политики России на центральноазиатском направлении является подготовка кадрового резерва, прошедшего специальную профессиональную подготовку и получившего нужные знания и навыки о странах региона и их социокультурных особенностях.
5. Перспективы России в регионе в решающей степени будут зависеть от успехов в развитии евразийской интеграции, которая обладает потенциалом стать привлекательной моделью развития для всех народов Центрально-Азиатского региона. При этом Россия должна стремиться к постепенному и ненавязчивому преобразованию евразийского экономического союза в евразийский политический союз.

**ОСНОВНЫЕ ИСТОГИ ДИССЕРТАЦИОННОГО ИССЛЕДОВАНИЯ
ИЗЛОЖЕНЫ В СЛЕДУЮЩИХ РАБОТАХ:**

Монографии:

1. Гарбузарова Е.Г. Центральная Азия в современных мирополитических процессах. - М.: Издательство «Аспект Пресс», 2020. – 192 с. (12 п.л.).
2. Гарбузарова Е.Г. Центральная Азия во внешней политике Турции и Ирана. – М.: Издательство «Аспект Пресс», 2022. – 160 с. (10 п.л.).

Статьи в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных ВАК России

1. Гарбузарова Е.Г. Перспективы вступления Кыргызстана в Таможенный Союз // Вестник Кыргызско-Российского Славянского университета. – 2014. – Том 14. – № 9. – С. 122-126.

2. Гарбузарова Е.Г. «Исламское государство» - новая угроза безопасности Центральной Азии // Вестник Кыргызско-Российского Славянского университета. – 2015. – Том 15. – № 10. – С. 137-141.
3. Гарбузарова Е.Г. «Российская угроза постсоветскому пространству: миф или реальность?» // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2016. – Том 8. – № 2. – С. 15-19.
4. Гарбузарова Е.Г. Роль И. Каримова в обеспечении Центральноазиатской безопасности // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2016. – Том 8. – № 5. – С. 13-17.
5. Гарбузарова Е.Г. Водно-энергетическая дилемма Центральноазиатских государств: возможны ли вооруженные столкновения? // Вестник Кыргызско-Российского Славянского университета. – 2017. – Том 17. – № 4. – С. 40-44.
6. Гарбузарова Е.Г. К проблеме расширения ЕАЭС // Вестник Кыргызско-Российского Славянского университета. – 2017. – Том 17. – № 4. – С. 45-49.
7. Гарбузарова Е.Г. Проблемы формирования позитивного имиджа ЕАЭС на Западе // Вестник Кыргызско-Российского Славянского университета. – 2017. – Том 17. – № 11. – С. 155-159.
8. Гарбузарова Е.Г. Геополитическое влияние нерегиональных акторов на религиозную безопасность Кыргызстана // Исламоведение. – 2017. – Том 8. – № 4. – С. 5-16.
9. Гарбузарова Е.Г. Великий Октябрь и становление кыргызской государственности // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2017. – Том 9. – № 5/2. – С. 13-18.
10. Гарбузарова Е.Г. Сотрудничество ЕАЭС и ЕС: утопия или перспектива? // Вестник Кыргызско-Российского Славянского университета. – 2018. – Том 18. – № 3. – С. 145-149.
11. Гарбузарова Е.Г. Дальний Восток России в контексте сопряжения Евразийского экономического союза и китайского проекта «Один пояс-один путь»: перспективы и риски // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2018. – Том 10. – № 3/1. – С. 58-64.
12. Гарбузарова Е.Г. «Мягкая сила» как инструмент блокирования фальсификации российской истории за рубежом // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2018. – Том 10. – № 5/1. – С. 24-30.
13. Гарбузарова Е.Г. Роль России и Китая в формировании нового мирового порядка // Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир. – 2019. – № 1 (19). – С. 22-30.
14. Гарбузарова Е.Г. Транспортно-коммуникационный потенциал Центральной Азии в фокусе интересов глобальных акторов // Вестник Таджикского государственного

- университета права, бизнеса и политики. Серия общественных наук. – 2019. – № 2 (79). – С. 137-147.
15. Гарбузарова Е.Г. Экономика Евразийского Экономического Союза // Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир. – 2019. – № 3 (21). – С. 199-207.
 16. Гарбузарова Е.Г. Ислам в государствах Центральной Азии в современный период // Исламоведение. – 2017. – Том 10. – № 2 (40). – С. 22-31.
 17. Гарбузарова Е.Г. Активизация межгосударственного сотрудничества на постсоветском пространстве (на примере постсоветских стран Центральной Азии) // Научно-аналитический журнал Обозреватель – Observer. – 2019. – №11 (358). – С. 66-77.
 18. Гарбузарова Е.Г. Государственный суверенитет в контексте евразийской интеграции // Сравнительная политика. – 2020. – Т.11. – № 2. – С. 28-35.
 19. Гарбузарова Е.Г. Инструменты «мягкой силы» Ирана в Кыргызстане // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. – 2020. – Т. 22. – № 1. – С. 22-31.
 20. Гарбузарова Е.Г. Приоритеты внешней политики Д. Трампа в Центральной Азии // Вестник Томского государственного университета. – 2020. - № 455. – С. 97-103.
 21. Гарбузарова Е.Г. Трансформация отношений центра и регионов на постсоветском пространстве (на примере России и Киргизии) // Россия и АТР. – 2020. – № 1 (107). – С. 28-41.
 22. Гарбузарова Е.Г. Государства Центральной Азии в международных рейтингах развития демократии // Вестник РУДН. Серия: Политология. – 2021. –Т. 23. – № 3. – С. 379-393.
 23. Гарбузарова Е.Г. Роль конституционных реформ в развитии государств Центральной Азии // Центральная Азия и Кавказ. – 2021. – Т. 24. – № 3. – С. 28-39.
 24. Гарбузарова Е.Г. Внешняя политика стран Центральной Азии: итоги 30-летнего развития // Центральная Азия и Кавказ. – 2021. – Т. 24. – № 3. – С. 52-66.
 25. Гарбузарова Е.Г. Особенности внутривосточного развития стран Центральной Азии на современном этапе // Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир. – 2022. – № 2 (32). – С. 54-66.

Другие публикации:

1. Гарбузарова Е.Г. Кыргызстан и Россия – партнерство на основе общих ценностей // Кыргызско-Российские отношения: позитивные реалии и перспективы сотрудничества: Материалы Международного круглого стола, посвященного 20-летию образования Кыргызско-Российского Славянского университета. Бишкек, 20 февраля 2013 г. / Сост.: Х.М. Шамбеталиева, З.Ш. Карабаева, М.Р. Шеров. – Бишкек: из-во КРСУ, 2013. – С.27-33.

2. Гарбузарова Е.Г. Дискурсивный анализ военного присутствия США в Центральной Азии // Материалы IX Международной научно-практической конференции посвященной проблемам общественных наук. – М., 2013. – С.24-28.
3. Гарбузарова Е.Г. Проблемы формирования системы Центральноазиатской безопасности // Актуальные вопросы общественных наук: социология, политология, философия, история. – Новосибирск, 2014. - № 3(35). – С.19-30.
4. Гарбузарова Е.Г. Евразийская интеграция: от теоретических концепций к практическим действиям // Евразийский союз ученых. Ежемесячный научный журнал «Современные концепции научных исследований». – М., 2014. – № 7 (15). – С.158-160.
5. Гарбузарова Е.Г. Этапы формирования центральноазиатской стратегии России // Universum: Общественные науки: электрон. научн. журн. – 2014. – № 6 (7). URL: <http://7universum.com/ru/social/archive/item/1420>
6. Garbuzarova E.G. Strict Contradictions between Russia and the USA in the light of Common Challenges and Threats // On the Way to a Stable World: Security and Sustainable Development. A collection of Scientific Papers. – San-Diego, 2015. – PP.43-48.
7. Гарбузарова Е.Г. Центральная Азия – территория ответственности ОДКБ и НАТО? // Материалы ежегодной межвузовской конференции XIII – е политологические чтения «Процессы интеграции на постсоветском пространстве и государства Центральной Азии». – Бишкек: изд-во Алтын Принт, 2016. – С. 21-27.
8. Гарбузарова Е.Г. Культурный аспект «мягкой силы» Китая в Кыргызстане // Приграничный регион в историческом развитии: партнёрство и сотрудничество: материалы междунар. науч. конф. : [в 3 ч.] / Забайкал. гос. ун-т ; [гл. ред.Е. В. Дроботушенко]. – Чита: ЗабГУ, 2017. – С. 133-137.
9. Гарбузарова Е.Г. Специфика вербования граждан ЦА «Исламским государством» // Материалы ежегодной межвузовской конференции XIV – е политологические чтения «Борьба с международным терроризмом и экстремизмом на глобальном уровне и в регионе Центральной Азии». – Бишкек: изд-во Алтын Принт, 2017. – С. 30-35.
10. Гарбузарова Е.Г. Иран и ЕАЭС: перспективы сотрудничества // Шелковый путь. Культурно-литературный альманах. Культурное представительство при посольстве исламской республики Иран в Кыргызстане. – Бишкек, 2017. - № 18. – С. 74-84.
11. Гарбузарова Е.Г. Кыргызско-российские отношения в президенство А.Атамбаева // East-European Science Journal. – Варшава, 2018. – Volume 4. 2(30). – 2018. – С. 45-49.
12. Гарбузарова Е.Г. «Стратегическое партнерство» Кыргызстана и Китая в экономической сфере: перспективы и риски // Universum: Общественные науки: электрон. научн. журн. 2018. № 4 (45). URL: <http://7universum.com/ru/social/archive/item/5747>

13. Гарбузарова Е.Г. Экономическое развитие Кыргызстана в контексте концепции «китайская мечта» // Материалы ежегодной межвузовской конференции XV – е политологические чтения «Перспективы реализации инициативы КНР «Один пояс - один путь». – Бишкек: изд-во Алтын Принт, 2018. – С. 32-39.
14. Гарбузарова Е.Г. Российский и китайский факторы во внешней политике Кыргызстана: возможна ли конфронтация? // Приграничный регион в историческом развитии: партнёрство и сотрудничество: материалы междунар. науч. конф. : [в 3 ч.] / Забайкал. гос. ун-т ; [гл. ред.Е. В. Дроботушенко]. – Чита: ЗабГУ, 2018. – С. 28-32.
15. Гарбузарова Е.Г. Cooperation between the Eurasian Economic Union and the Silk Road Economic Belt: Benefits, Risks, Achievements // Проблемы постсоветского пространства. - 2019. - Т. 6. - № 1. – С. 8-15.
16. Гарбузарова Е.Г. Геополитическая роль Кыргызстана в современном мире // Проблемы внешнего воздействия на верующих Кыргызстана как фактор угрозы национальной безопасности страны: Сборник статей / Отв. ред. А.Л. Салиев; ЦГИ ИМАП КРСУ. – Бишкек, 2019. – С. 88-98.
17. Гарбузарова Е.Г. Россия в Туркменистане: курс на укрепление сотрудничества // Проблемы постсоветского пространства. – 2020. – № 7 (1). – С. 63-72.
18. Гарбузарова Е.Г. Центральная Азия во внешнеполитических приоритетах Ирана // Материалы международной научной конференции «Центральная Азия в контексте геополитических изменений: внутренние вызовы и политика внерегиональных государств». – Бишкек: изд-во Алтын-тамга, 2020. – С. 73-86.
19. Гарбузарова Е.Г. Сотрудничество Ирана и Китая в проекте «Один пояс-Один путь» // Приграничный регион в историческом развитии: партнёрство и сотрудничество: материалы междунар. науч. конф. : [в 2 ч.] / Забайкал. гос. ун-т ; [гл. ред. Е. В. Дроботушенко]. – Чита: ЗабГУ, 2020. – С. 73-77.
20. Гарбузарова Е.Г. Regulatory Initiatives of Central Asian Countries in Addressing Transboundary Water Issues // Проблемы постсоветского пространства. – 2021. – № 8 (2). – С. 219-228.
21. Гарбузарова Е.Г. Пандемия COVID-19: последствия для стран Центральной Азии // Приграничный регион в историческом развитии: партнёрство и сотрудничество: материалы междунар. науч. конф. : [в 2 ч.] / Забайкал. гос. ун-т ; [гл. ред. Е. В. Дроботушенко]. – Чита: ЗабГУ, 2021. – С. 127-131.
22. Гарбузарова Е.Г. Центральная Азия во внешней политике России // Материалы ежегодной межвузовской конференции XVIII – е политологические чтения «Россия и государства Центральной Азии». – Бишкек: изд-во Алтын Принт, 2021. – С. 25-37.

23. Гарбузарова Е.Г. Роль ШОС в процессе нейтрализации региональных вызовов и угроз
// Проблемы постсоветского пространства. – 2021. - № 8 (4). – С. 425-436.